

РАСПИСАНИЕ ПЕРЕМЕН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – СССР
(КОНЕЦ 1880-Х – 1930-Е ГОДЫ)

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2012

СОДЕРЖАНИЕ

А.Н. Дмитриев. Правила реформ (или коллективный «опорный конспект»)	5
--	---

I

Л.Г. Берлявский. Высшее образование и наука в России (1890–1900 годы): традиционные «места знания»	11
А.Е. Иванов. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века)	28
И.В. Зубков. Система начальных и средних учебных заведений в России (1890–1916 годы)	88
И.В. Зубков. Земские школы, гимназии и реальные училища (1890–1916 годы)	150
Т.А. Павленко. Образовательная политика Святейшего синода в 1884–1914 годах	236
И.В. Зубков. Инспекторы народных училищ в системе управления народным образованием	251
И.В. Черказьянова. Институт попечителей учебных округов в конце XIX – начале XX века	271
Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук. Негосударственные образовательные организации и инициативы в России (конец XIX – начало XX века)	293

II

К.В. Иванов. Новая политика образования в 1917–1922 годах. Реформа высшей школы	359
Л.Г. Берлявский. Роль и функции Наркомпроса	380
А.Н. Еремеева. Образовательная и научная политика в условиях гражданского противостояния	404
Е.М. Балашов. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 годы	435

культурным строительством. 1917–1925 гг.» (М., 1992); «Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов» (М., 1998); «Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 гг.» (М., 2002); «Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924» (М.: ИРИ РАН, 2005); «Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX – 1920-е годы)» (М., 2011).

Павленко Татьяна Анатольевна, заместитель генерального директора по науке Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына, кандидат исторических наук. Автор статей: Семинаристы и церковная власть: вопрос о реформировании духовного образования во время революции 1905–1907 гг. // «Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории»: Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб.: Олериус Пресс, 2008; Забастовки семинаристов в конце XIX – начале XX в.: движение за реформирование духовной школы // Православие: Конфессии, институты, религиозность (XVII–XX): Сб. научных статей. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2009. Вып. 6; Петиции учащихся православных семинарий как источник по истории протестного движения семинаристов в 1905–1907 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXXI. СПб., 2009.

Ростовцев Евгений Анатольевич, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук. Автор монографии «А.С. Лаппо-Данилевский и историческая школа» (2004). В числе последних работ по истории образования в России: «Университет столичного города 1905–1917 гг.» (Университет и город в России (начало XX в.) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: НЛЮ, 2009. С. 205–370); «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. (Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 75–121).

Рыжковский Владимир Вячеславович, сотрудник Университета штата Мэриленд (Колледж Парк). Одна из последних публикаций: Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛЮ. 2009. № 97.

Свешников Антон Вадимович, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, доктор исторических наук.

Основные публикации: «Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества» (Омск, 2010); Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72; Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 86–112.

Сидорчук Илья Викторович, аспирант исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; ассистент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Наиболее значимые публикации: Две судьбы утопии: лингвистические теории Н.Я. Марра и Л.С. Липавского в контексте государственной культурной политики 1920–1930-х гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2011. Вып. 2. С. 144–149; Н.Я. Марр и государственная культурная политика 1917–1930 гг. // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 4. С. 88–93; Историк играющий: о возможности ремейка в исторической науке // История: электронный научно-образовательный журнал. 2010. Вып. 1: Историческая наука в современной России [Электронный ресурс].

Тасиц Наталия Алексеевна, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, кандидат исторических наук. Автор публикаций: Государственная политика СССР в сфере науки. 1929–1941 гг. // Свободная мысль – XXI [Текст]: теоретический и политический журнал. 2008. № 1. С. 129–142; Становление модели плановой организации науки в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. // Власть, общество и личность в истории: Сб. статей по материалам научной конференции, 22–24 октября 2006 г. М., 2010. С. 152–167.

Черказьянова Ирина Васильевна, ответственный редактор научно-информационного бюллетеня «Российские немцы», доктор исторических наук. Автор многочисленных публикаций в энциклопедии «Немцы России» (М.: ЭРН, 2006) и статей о российских немцах.

Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИНИЦИАТИВЫ В РОССИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)¹

Развитие науки и просвещения в России конца XIX — начала XX века невозможно представить без обращения к анализу негосударственных образовательных практик, которые реализовывались как в рамках личной инициативы (самообучение и домашнее обучение, репетиторство и пр.), так и в рамках негосударственных институтов (образовательных учреждений, обществ, библиотек и пр.). Если первый тип практик можно считать традиционным, то второй тип, связанный с вовлечением в образовательный процесс общественных структур, являлся для России новым и был тесно связан с процессом становления гражданского общества, что уже привлекало внимание исследователей². В то же время государство старалось направлять и регламентировать эту деятельность. Таким образом, развитие новых образовательных практик вполне можно рассматривать, с одной стороны, в контексте процесса эмансипации «общества» от государства, с другой — как часть правительственной политики. Такой подход не только позволяет лучше понять историю образовательных процессов, но и открывает новые горизонты для анализа отношений между обществом и государством в переломный период рубежа XIX–XX веков.

Прежде всего важно обозначить рамки того правового поля, в котором существовала система частного образования³. Государство регулировало такие вопросы, как тип учебного заведения, порядок его открытия, состав преподавателей, порядок и содержание преподавания, порядок прохождения курса, права

выпускников и другие вопросы учебной жизни. Что касается определения типа учебного заведения, то законодательство отталкивалось от системы государственных школ. Устав частных учебных заведений, принятый 19 февраля 1868 года, закрепил их градацию, сохранявшуюся до 1914 года: «1) высшие — с курсом, приближающимся к курсу гимназий и женских училищ 1-го разряда, 2) средние — с курсом, близким к курсу прогимназий или уездных училищ и женских училищ 2-го разряда, и 3) низшие — с курсом, соответственным курсу приходских или начальных училищ»⁴. Частные учебные заведения I разряда могли получить звание частных классических гимназий, что давало их выпускникам право на поступление в университеты⁵.

Открытие любого частного учебного заведения проходило под строгим контролем властей. Согласно закону требовалась не только подача прошения на имя местного начальства, к ведению которого должно принадлежать учебное заведение, но и план (записка) с детальным описанием будущего учебного заведения⁶. Особое внимание уделялось учредителю частной школы, которыми могли быть «земские учреждения, общества, сословия и частные лица, получившие установленным порядком разрешение на открытие какого-либо учебного заведения». Частное училище разрешалось открывать и мужчинам и женщинам. Однако действовало одно непреложное правило — учредителем должен быть подданный России. В каждом конкретном случае разрешение сопровождалось специальной проверкой нравственности и благонадежности учредителя. Мужчина, желающий открыть училище I разряда (приравнялось к гимназии), обязан был иметь высшее образование. Для открытия училищ II и III разряда можно было иметь свидетельство на звание домашнего учителя или наставника. Женщины для открытия училищ I и II разрядов должны были как минимум иметь звание домашней наставницы или учительницы. Для учреждения училища III разряда — звание учительницы начальных классов (то же и для мужчин, желающих открыть такую школу). Педагоги-иностранцы, закончившие университет за пределами России, при условии принятия российского подданства и сдачи экзаменов по программе Министерства народного просвещения (МНП) получали возможность открывать училища I разряда⁷. Открытие частных учебных заведений и пансионов без разрешения местных учебных властей каралось

законом⁸. В то же время для законопослушных учредителей частных заведений существовали государственные награды: так, для получения ордена Св. Станислава третьей степени требовалось содержать училище, пансион без помощи казны в течение десяти лет безупречной работы⁹. Столичные частные учебные заведения подчинялись окружным инспекторам, в губернских городах, если в них «не учреждено должностей Директоров и Инспекторов народных училищ», — непосредственному надзору директоров училищ, в уездных и заштатных городах — надзору уездного смотрителя училищ¹⁰.

Учителя, принятые на работу в частные заведения, обязывались выполнять все требования, которые были установлены для их коллег в государственных школах. Большинство преподавателей, работающих в частных учебных заведениях, одновременно служили и в государственных школах. Это было связано с тем, что частная школа не давала право на пенсию и другие привилегии¹¹. Учителя, которые работали в трех старших классах училищ I разряда (то есть в гимназии), должны были иметь свидетельство о высшем образовании. В младшие классы принимались на работу и те, кто имел звание домашнего учителя. В частных училищах III разряда можно было преподавать, имея звание учителя начальной школы (или учительницы)¹². Учитель допускался к преподаванию только по свидетельству, выданному с разрешения попечителя учебного округа, подтверждавшего компетентность преподавателя. Не подвергались испытаниям обучающие Закону Божьему священнослужители, воспитанные в духовных училищах, учителя, не менее трех лет преподававшие в казенных училищах (при условии, что в частном учебном заведении будут преподавать тот же предмет), учителя искусств (с дозволения попечителя учебного округа)¹³. За деятельность учителя нес ответственность учредитель учебного заведения¹⁴.

Немалое внимание государство уделяло вопросам содержания обучения и порядка прохождения курса. В частных учебных заведениях предполагалась более свободная (в сравнении с казенными) учебная программа, но обязательно должны были изучаться Закон Божий и русский язык. А там, где в программах было предусмотрено изучение истории и географии, обязательно включались и разделы по отечественной истории и географии¹⁵. Учебный план частного училища утверждался

попечителем округа¹⁶. Учредитель частной школы также отвечал за то, что обучение будет проходить по учебникам, утвержденным МНП¹⁷, но при этом не воспрещалось «в случае надобности» употреблять иные, «только не иначе, как с одобрения училищного начальства»¹⁸. Предполагалось, что в каждом классе срок обучения должен быть не менее 1 года¹⁹. В законе подчеркивалось, что совместное обучение мальчиков и девочек возможно только до 11-летнего возраста, а в пансионах совместное проживание девочек и мальчиков было запрещено²⁰. Учащимся не разрешалось обучение более двух лет в одном классе (как и в государственных учебных заведениях)²¹.

Права выпускников напрямую зависели от оценки деятельности школы учебным округом. Так, частным училищам I разряда, которые по своим программам были близки к государственным гимназиям, могло быть дано название «частная гимназия». При разрешении окружного начальства ее выпускники могли сдавать выпускные экзамены при государственной гимназии вместе с ее учащимися. При сдаче экзаменов обязательно было присутствие учителя этой гимназии, а также членов попечительского совета (или других представителей контролирующих органов). Программа и порядок проведения экзаменов соответствовали государственной школе²².

Разумеется, что правительственная опека практически над всеми аспектами деятельности частных учебных заведений требовала и разнообразных форм контроля над ними. Так, содержатель частного училища представлял полугодовой и годовой отчеты местному учебному начальству²³. В то же время не реже одного раза в год училищное начальство обязано было посетить все частные учебные заведения, которые находились в его подчинении. Хотя контроль учебного начальства касался только учебного процесса, поведения и благонадежности учащихся и учащихся, при обнаружении каких-либо злоупотреблений в хозяйственно-финансовой деятельности оно могло сообщить об этом попечителю. Если проверяющий обнаруживал существенные отклонения от утвержденного попечителем плана учебной работы, применялись следующие меры наказания: 1) устное предупреждение (первое нарушение); 2) письменное предупреждение; 3) при неисполнении предписаний проверяющих и при особо вопиющих нарушениях попечитель мог за-

крыть данное учебное заведение. К нарушениям относилось следующее: неподобающее поведение учредителей и учителей, недостойное поведение детей, невыполнение утвержденных программ. При этом до момента закрытия проводились ревизия и служебное расследование, а также уведомлялись родители тех детей, которые здесь учились²⁴.

В условиях нового характера отношений между властью и обществом, сложившегося в результате революции 1905–1907 годов, прежнее школьное законодательство выглядело анахронизмом. В повестку дня был поставлен вопрос о реформе системы частных учебных заведений. Новый законопроект, регулирующий деятельность частных учебных заведений, был внесен в Госдуму лишь в марте 1910 года министром просвещения А.Н. Шварцем. Его принятие задержалось: закон «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» вышел только 1 июля 1914 года. Он регулировал деятельность всех негосударственных учебных заведений: «устанавливал единообразные правила для организации альтернативного правительственному частного сектора в распространении научных знаний в России — порядок открытия, содержания и ликвидации учебных заведений различного типа органами местного самоуправления, церковными приходами, частными организациями и отдельными лицами»²⁵.

Согласно новому закону все частные учебные заведения подразделялись на три разряда: «1) низшие, в коих объем преподавания не превышает курса высших начальных училищ или правительственных ремесленных училищ; 2) средние, в коих объем преподавания в общем больше курса низших и не превышает курса гимназий и иных средних правительственных учебных заведений, и 3) высшие, в коих объем преподавания в общем превышает курс гимназий и иных средних правительственных учебных заведений»²⁶. Закон, в частности, предписывал: «В действующих узаконениях наименование: “частное учебное заведение первого разряда” заменить наименованием: “среднее частное учебное заведение”, а наименования: “частное учебное заведение второго разряда” и “частное учебное заведение третьего разряда” — заменить наименованием: “низ-

шее частное учебное заведение»²⁷. Так же, как и раньше, частным средним учебным заведениям с разрешения министра народного просвещения могло быть присвоено «название соответствующего правительственного учебного заведения (частная гимназия, частное реальное училище и т.п.)», если «по постановке преподавания в них будут приближаться к правительственным учебным заведениям»²⁸.

Закон несколько облегчал возможность открытия учебного заведения: постановлялось, что учредитель, не получивший отказа на свое прошение об организации учебного заведения в течение двух месяцев от соответствующего должностного лица, «имеет право открыть учреждаемое им учебное заведение, классы и курсы, сообщив о сем в тот же день подлежащему учебному начальству и местной полиции»²⁹. Учредителем мог стать русский подданный не моложе 25 лет. Важно, что для учредителей законом были сняты образовательные цензы. В законе был четко обозначен круг лиц (прежде всего, это осужденные или находящиеся под следствием), которым отказывается в праве открытия учебных заведений³⁰, в то время как ранее оно предоставлялось «по усмотрению учебного начальства, которое обязано сперва удостовериться в нравственности и благонадежности» кандидата)³¹. Высшие частные учебные заведения, классы и курсы открываются с разрешения министра народного просвещения, средние — попечителя учебного округа и низшие — уездного (окружного) или городского училищного совета. Учреждение могло быть закрыто «в случае обнаружения каких-либо важных беспорядков по учебной, воспитательной или нравственной части, или неисполнение учредителем (содержателем) сих правил». Высшие учебные заведения могли быть закрыты по постановлению министра народного просвещения, средние — попечителя учебного округа и низшие — уездного (окружного) или городского училищного совета. В постановлении должны быть указаны причины, послужившие поводом к закрытию. Постановление может быть обжаловано учредителем (содержателем) в месячный срок в суде в установленном законом порядке³². Изменился механизм заведования частными учебными заведениями: «Частные учебные заведения, классы и курсы состоят в заведывании: высшие и средние — попечителя учебного округа, а низшие — директоров и инспекторов народных училищ»³³.

В законе 1914 года был ослаблен контроль за порядком и содержанием преподавания. Нововведением стала возможность для содержателей учебного учреждения выбора языка преподавания (ранее это право, с определенными ограничениями, распространялось лишь на территории Эстляндской, Лифляндской, Курляндской губерний и Варшавского учебного округа). Положение ранее действовавших норм о том, что МНП предоставляется принимать меры к постепенному введению преподавания предметов на русском языке в частных учебных заведениях Рижского учебного округа³⁴, в закон не вошло. В то же время в законе 1914 года сохранялось положение об обязательном изучении Закона Божьего в средних и низших общеобразовательных учебных заведениях. Русский язык, словесность, отечественная история и отечественная география должны были обязательно преподаваться на русском³⁵.

Нововведением стало разрешение совместного обучения лиц обоего пола: «Совместное обучение в средних учебных заведениях, классах и курсах допускается с разрешения попечителя учебного округа, а в высших — Министра народного просвещения и притом на тех основаниях, которые будут указаны по сему предмету при выдаче разрешения»³⁶. Как отмечалось выше, ранее подобное было возможно лишь при обучении детей, младше 11 лет. Учащиеся в частных учебных заведениях могли приобрести права и преимущества, «кои пользуются учащиеся в соответствующих правительственных учебных заведениях»³⁷. Для этого было необходимо пройти испытания «или в подлежащих правительственных учебных заведениях, либо в особых испытательных комитетах, состоящих при управлениях учебных округов, или же в комиссиях, особо образуемых Министерством народного просвещения»³⁸. Важным являлось также нововведение, что «удостоверения о прослушании курса наук в тех из высших частных учебных заведений, поступление в кои будет обусловлено правилами, утвержденными Министром народного просвещения, и которые будут находиться под ближайшим надзором Министерства народного просвещения, приравниваются к выпускным университетским свидетельствам, если по постановке преподавания в сих учебных заведениях будет признана Министром народного просвещения равною университетскою»³⁹. Таким образом, в России впер-

вые была создана общая законодательная база для существования негосударственных высших учебных заведений.

Можно согласиться со справедливым замечанием одного из исследователей, что Закон 1914 года «был продиктован современными условиями жизни общества» и по праву может считаться новой вехой в истории частного образования в России⁴⁰. Очевидно, однако, и то, что Закон оставлял в руках правительства основные рычаги контроля над негосударственным образованием. Впрочем, начавшаяся война, связанное с ней напряжение экономики и общественных сил создавали малоблагоприятные условия для развития системы частного образования и для того, чтобы новый закон успел в полной мере проявить себя. Итак, мы можем констатировать, что частное образование в России развивалось в довольно жестких законодательных рамках, в определении которых ведущую роль играло стремление государства контролировать их деятельность. Такое положение, впрочем, имело и некоторые благоприятные последствия для частного образования, которые, во-первых, заключались в определенных гарантиях уровня подготовки учащихся в частных учебных заведениях, а во-вторых, в государственной поддержке и помощи целому ряду из них.

Кратко остановимся на частных формах начального (низшего), среднего и высшего образования. Следует учитывать, что начальные школы в своей основной массе являлись учебными заведениями для «народа» — представителей непривилегированных сословий. Это обстоятельство предопределило характер низшей школы в дореформенной России. Хотя с начала 1860-х годов количество начальных школ в стране непрерывно увеличивалось, это были главным образом земские и церковно-приходские школы⁴¹. Причем интенсивный рост школ последнего типа происходил благодаря значительной административной и финансовой поддержке государства и организационной деятельности самой церкви. Подобный шаг органично вписывался в рамки контрреформ и ставил целью усиление идеологического контроля над народным образованием. В период с 1884 по 1889 год количество церковно-приходских школ увеличилось с 5517 до 17 715⁴². Их рост останавливается в 1904 году, после чего их численность начинает снижаться и, в свою очередь, начинает расти число начальных школ, находя-

шихся в ведении МНП, достигшее к 1911 году более 100 тыс.⁴³ Наблюдался также процесс постепенного развития женского образования, процентного увеличения числа девочек среди учащихся начальных школ — с 20% в 1880 году до 32% в 1911 году⁴⁴. Источниками доходов начальных школ Империи были преимущественно средства Государственного казначейства (38,6%), процент финансирования со стороны частных лиц был значительно ниже — 7,3%⁴⁵. Характерно, что процент девочек в частных гимназиях был существенно выше, чем в государственных. Если на начало 1911 года число учащихся мальчиков в государственных начальных школах составляло 4 499 845 человек, а девочек 2 130 113, то в частных обучалось 71 740 мальчиков и 69 353 девочки, то есть почти поровну⁴⁶. В целом количество начальных школ за интересующий нас период неизменно росло: в 1896 году общее число начальных и низших училищ всех ведомств составляло 78 724⁴⁷, в 1904 году — 90 942⁴⁸, а в 1910 году — 100 749 учебных заведений⁴⁹.

Таким образом, мы можем констатировать, что фактическая почва для введения всеобщего начального образования была подготовлена и в 1908 году МНП внесло в Государственную думу проект закона «О введении всеобщего начального обучения в Российской Империи», однако по политическим причинам до 1917 года законопроект так и не был принят. В частности, камнем преткновения было нежелание консервативных сил в Правительстве и Государственном совете отказаться от прежней системы церковно-приходского образования, за что выступала Государственная дума⁵⁰.

Из всего многообразия начальных школ наибольшее влияние частная инициатива имела в так называемых воскресных школах, которые в значительной степени ориентировались на обучение «взрослых». Первая воскресная школа была открыта в Киеве 19 октября 1859 года по инициативе профессора П.В. Павлова. Разрешение на ее открытие дал попечитель Киевского учебного округа знаменитый хирург Н.И. Пирогов. В 1862 году их уже было свыше 300. В частности, теорией организации и деятельности воскресных школ занимался известнейший педагог К.Д. Ушинский, которому принадлежит первое теоретическое исследование по данному вопросу⁵¹. Он выдвинул тезис, вошедший впоследствии и в программы народных

университетов, о необходимости совмещения образовательной и просветительской деятельности. Такая постановка вопроса о деятельности народной школы отчасти предопределила дальнейшее развитие событий. По указу императора в июне 1862 года они были закрыты, поскольку казались власти подозрительными («разлагающими умы») в условиях кризиса весны—лета 1862 года⁵². По положению 1864 года воскресные школы рассматривались как один из типов начальных училищ (с соответствующей программой), при этом начиная с 1884 года они законодательно были отнесены к разряду церковно-приходских школ⁵³. Иначе говоря, государство попыталось взять эту форму образования под жесткий контроль, итогом чего стало их почти полное исчезновение. Только с 1866 года начинается их постепенное возрождение, заслуга в котором принадлежит общественной инициативе⁵⁴. Хотя в условиях подробной регламентации деятельности народных училищ это было отнюдь не простым делом — к концу века в российских городах уже насчитывалось порядка 240 воскресных частных школ и столько же открытых по инициативе земств, дирекций народных училищ и епархиального ведомства, также было несколько тысяч сельских школ, открытых по инициативе земств, дирекций народных училищ и частных лиц⁵⁵. Среди частных школ были школы, функционирующие при тюрьмах, больницах, работных домах. К числу «воскресных» школ относились и специальные «субботние школы», устраиваемые для лиц иудейского исповедания⁵⁶.

Революция 1905—1907 годов поменяла ситуацию в том смысле, что часть функций «воскресной школы» взял на себя «народный университет». Будучи учебным учреждением «для взрослых», в меньшей степени подверженным правительственной регламентации, он в определенной степени включил в себя «воскресную школу», хотя нельзя сказать, что такое положение складывалось повсеместно. Любопытное рассуждение о соотношении «воскресной школы» и «народного университета» мы находим у О. Кайдановой, одной из активных деятельниц народного образования начала XX века. По ее мнению, «народный университет не может быть рассматриваем как народно-образовательное учреждение, явившееся на смену воскресной школе, якобы уже отжившей свой век и выполнившей свое назначение <...>, на смену воскресной школе, говорят защитни-

ки этого мнения, задававшей самыми элементарными задачами, как, например, обучение грамоте, идет народный университет, преследующий более сложные задачи, отвечающий на более серьезные запросы народа. Народ вырос в умственном отношении за последние десятилетия <...>. Нам кажется, что нет никакого труда опровергнуть такое мнение, хотя в нем и есть доля истины. <...> Среди взрослого населения не только деревень, но и больших, и даже столичных городов до сих пор значительный процент падает на долю неграмотных; <...> и услуга, которую может оказать в этих случаях воскресная школа, неопенима»⁵⁷. Иными словами, в новых условиях «воскресная школа» понималась прежде всего как школа «грамоты», роль же школы более высокой ступени играл «народный университет».

В отличие от государственной частная начальная школа зачастую являлась полем для прогрессивных педагогических экспериментов. В частности, среди либерально настроенной общественности были популярны идеи так называемого «свободного воспитания», среди наиболее активных идеологов которого стоит выделить К.Н. Вентцеля. Считалось, что предоставление свободы ребенку, отказ школы от мер поддержания дисциплины позволят раскрыть весь духовный потенциал учащихся, повысят их творческую самостоятельность. Теоретики данного направления педагогической мысли издавали журнал «Свободное воспитание». Несмотря на отсутствие полного единства среди них, для всех была характерна ненависть к принудительной организации воспитания – не случайно свое направление они связывали с педагогическим опытом Л.Н. Толстого⁵⁸. Впрочем, как отмечается в литературе, многие сторонники «свободного воспитания» слишком идеализировали образовательно-воспитательный процесс и впоследствии сами вынуждены были признать некоторые свои идеи несостоятельными. Так, в созданном ими в 1906 году Доме свободного ребенка отсутствие четкого планирования учебного процесса и предоставление детям неограниченной свободы привели к резкому снижению уровня образования⁵⁹. Близким к идеям свободного воспитания являлось педагогическое общество «Сеттльмент», одним из вдохновителей которого был известный педагог С.Т. Шацкий. Аналогичные общества создавались «в виде союзов родителей, детских колоний, клубов»⁶⁰. Благо-

даря их активной деятельности могли вноситься изменения в старые школы или возникать абсолютно новые типы школ. В частности, в Москве сотрудниками С.Т. Шацкого — Е.Я. Фортунатовой, Л.К. Шлегером и А.А. Фортунатовой — была организована частная начальная школа «Адлер». Ее задачей являлось экспериментально «проверить ряд новых методов и приемов ведения учебно-воспитательного процесса»⁶¹.

Что касается средней школы, то позиция государства в ее отношении была более гибкой, что, прежде всего, было связано с недостатком средних специальных учебных заведений, остро сказывавшимся в комплектовании кадрами государственного аппарата и экономики, интенсивно растущей в последние десятилетия XIX века. Именно поэтому некоторые частные инициативы в этой сфере находили активных сторонников среди деятелей правительственной бюрократии. Так, при активном участии министра финансов С.Ю. Витте в 1894 году был принят закон о подведомственности вновь открываемых коммерческих училищ Министерству финансов. Для экономического развития России, по мнению министра, существующего государственного образования было недостаточно. Создатели частных коммерческих учреждений и раньше отдавали свои детища помимо МНП в другие ведомства, что позволяло принимать более свободные образовательные программы, и министр пожелал создать законодательную базу для закрепления этой практики. В этих целях С.Ю. Витте создал особую комиссию при Департаменте торговли и мануфактур, которая составила проект положения об устройстве разнообразных коммерческих училищ. Согласно проекту Министерство финансов предполагало преимущественное устройство учебных заведений, удовлетворяющих местным торговым и мануфактурным потребностям. Итогом этой работы и явилось принятие Положения «О коммерческих учебных заведениях» (15 апреля 1896 года), по которому выстраивалась достаточно четкая структура коммерческого образования, включающая четыре основных типа учебных заведений: коммерческие курсы, торговые школы и классы, средние коммерческие училища и высшие частные учебные заведения⁶². Данные меры способствовали интенсивному развитию подобных учебных заведений. Если в 1896 году их было 8, то в 1902 году в ведении учебного отде-

ла Министерства финансов находилось уже 36 общественных и 16 частных коммерческих училищ⁶³, к 1912/13 учебному году их число выросло до 117 общественных и 102 частных, действовавших в большинстве губернских и уездных городов Империи⁶⁴, а в 1916 году сеть школ увеличилась до 602 (состояла из 260 коммерческих училищ, 169 торговых школ, 38 торговых классов и 135 курсов коммерческих знаний)⁶⁵.

Наиболее интересным реализованным проектом коммерческого училища стало учреждение Тенишевского училища в Санкт-Петербурге. В 1900 году В.Н. Тенишев добился, чтобы училище не подчинялось МНП, как существовавшая до этого Образовательная школа Тенишева. Он стремился, чтобы система обучения в нем резко отличалась от казенных уставов с их схоластичностью⁶⁶. На акте освящения нового здания училища 8 сентября 1900 года выступал С.Ю. Витте: «Обращаясь лично к князю Тенишеву, [он] в своей весьма краткой, но содержательной речи отметил то отрадное и важное с государственной точки зрения явление, какое представляет собой крупное пожертвование, сделанное Тенишевым...» <...> и «...высказал пожелание, чтобы этот отрадный факт частной инициативы в сфере образования послужил поучительным примером для других лиц»⁶⁷. Новому училищу, «ввиду общеобразовательного характера программ первых семи классов», предоставлены права правительственных реальных училищ⁶⁸.

Жена князя, М.К. Тенишева, уже в течение длительного времени активно занимавшаяся организацией школ для крестьянских детей в Смоленской губернии, к его деятельности относилась достаточно критично. В своих воспоминаниях она пишет: «Я не раз искала случая заинтересовать мужа своей школой, завоевать его симпатию к ней. <...> Муж продолжал относиться несочувственно, и это было обидно. Такое отношение было особенно странно с его стороны, так как он сам затеял огромную и очень дорогую постройку — училище в Петербурге. Купив для этой цели на Моховой очень дорогой участок земли, он сыпал в это дело не десятки, а сотни тысяч и, преследуя исключительно свое желание скорее видеть его законченным, глядел сквозь пальцы на то, что вокруг этого дела многие сильно нагрели себе руки. Мне было жаль, что все эти огромные жертвы и затраты производились исключительно для маленькой

горстки детей богатых родителей, которым и так все доступно, и что, несмотря на большую плату за учение, доходы школы далеко не покрывали расходов»⁶⁹. Подавляющее же большинство современников идею князя поддержали. Прежде всего, их привлекали инновации, введенные учредителем, которые проявлялись практически во всем. Само здание училища было построено по последнему слову техники: большой спортивный зал, лаборатории, оснащенные необходимым оборудованием классы — каждый на 25 человек. Новизна подхода к образованию проявилась и в декларируемых целях училища. В уставе указывалось, что оно имеет целью: «1) дать учащимся в нем общее образование, 2) воспитать в них самостоятельность и действительный интерес к знанию и 3) сообщить им необходимые коммерческие знания»⁷⁰. Многие полагали, что цель училища более масштабна. В частности, один из учителей, С.И. Сазонов, писал, что задача училища состоит в следующем: «Если школа выпускает в жизнь не изуродованную односторонней механической дрессурой, а гармонично развитую личность, проникнутую живым интересом к окружающему миру, умеющую отчетливо разбираться в разнообразных задачах, какие ей может представить действительность, с активным идеализмом в душе, школа выполнила свое назначение. Школа должна готовить ученика для жизни»⁷¹. Одним из основных методических принципов обучения было то, что в училище не имелось обычая оценивать успехи и поведение детей баллами, не практиковалось наград и наказаний, не было переводных экзаменов и других «орудий страха, к каким прибегала всегда и прибегает обыкновенно и теперь школа в целях подстрекания, подтягивания, устрашения учащихся»⁷². Похожими учебными заведениями были московские гимназии П.Г. Шелапутина и И.А. Медведниковых⁷³.

Следует отметить, что, несмотря на отдельные удачные эксперименты и то, что к концу XIX — началу XX века число частных средних учебных заведений постепенно увеличивалось, доля негосударственного среднего образования оставалась незначительной. Наиболее интенсивно развивалось женское частное среднее образование, что было связано с явным недостатком государственных учебных заведений. По данным МНП, в России в 1887 году действовало 180 женских правительственных гимназий, 17 частных гимназий и 4 прогимназии⁷⁴.

Впоследствии их число начинает расти: в 1909 году было уже 300 частных гимназий (при 372 правительственных)⁷⁵, а в 1915 году 478 (при 563 правительственных)⁷⁶. Таким образом, и без того высокий процент частных женских гимназий от общего их числа за период с 1909 по 1915 год немного вырос — с 44,6 до 46%. Применительно к прогимназиям из-за сокращения числа правительственных учебных заведений этого типа этот процент оказался еще выше, поднявшись с 55% в 1909 году до 66% в 1915 году⁷⁷.

Также активно развивалось мужское среднее образование. В 1892 году в России было 175 мужских гимназий и 5 частных. В правительственных гимназиях и прогимназиях обучалось 59 418 учеников, а в частных гимназиях было 707. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что более половины учащихся частных гимназий (366) относилось к христианам неправославного вероисповедания (в абсолютном большинстве — протестантских конфессий)⁷⁸, что, несомненно, отражает их национальный состав (доминирование немецкой общины). К 1901 году количество казенных гимназий возросло до 197, тогда как количество частных снизилось до 4 (3 из которых находились в Петербургском учебном округе)⁷⁹. К 1 января 1911 года число казенных гимназий выросло до 250, а частных — до 33, а к 1 июля 1915 года казенных гимназий было 354, тогда как частных — 46⁸⁰. Так же как и в ситуации с женским образованием, этот скачок стал возможен в новой ситуации сложившейся после событий 1905—1907 годов, — в процентном, соотношении увеличение числа частных гимназий по отношению к государственным произошло с 2% в 1901 году до 13,2% к 1911 году. В дальнейшем этот процент оставался приблизительно таким же (13% в 1915 году). Говоря о других средних учебных заведениях, стоит выделить, что рост числа казенных прогимназий, как и в случае с женским образованием, начинает снижаться (с 22 в 1911 году до 17 в 1915 году), тогда как число частных за этот период немного возрастает (с 7 до 9). Неизменно возрастает число реальных училищ: в 1900 году было 99 правительственных реальных училищ и 7 частных⁸¹, к 1911 году число казенных реальных училищ возросло до 196, а частных до 36, а к 1915 году их стало еще больше (256 казенных и 41 частное)⁸². Таким образом, процент частных реальных училищ по отношению к казенным существенно вырос за первое

десятилетие XX века (с 7,1% в 1900 году до 18,4% к 1911 году), а затем немного снизился (16% в 1915 году).

Важно отметить, что с начала XX века в России появляются средние учебные заведения, организованные по образцам зарубежных частных школ. В частности, стоит выделить школу Е.С. Левицкой в Царском Селе, организованную в 1900 году по образцу английской Бидельской школы, гимназию Е.Д. Петровой в Новочеркасске (1906), О.Н. Яковлевой в Голицыне под Москвой (1910). В этих школах в основном обучались дети из привилегированных сословий, практиковалось совместное обучение, ученическое самоуправление⁸³. Подобные проекты не нашли широкой поддержки у педагогической общественности, в целом возражавшей против слепого заимствования западных образцов школьной организации⁸⁴. Однако в годы революции 1905–1907 годов требования демократизации образования усиливаются⁸⁵. На учительских съездах этого периода звучит призыв к организации новых, «вольных» школ. Их создателями стали группы учителей, родителей, местной интеллигенции как в крупных городах, так и в сельской местности. В Петербурге членами Союза деятелей средней школы уже в начале 1906 года было создано несколько таких учебных заведений – Курсы Родительского союза средней школы (впоследствии мужская гимназия С.А. Столбцова), вечерние курсы при гимназии М.Н. Стоюниной, Преображенская и Василеостровская новые школы (женские гимназии Ю.С. Ивановой и М.Д. Могилянской), мужская гимназия Л.Д. Лентовской⁸⁶. Таким образом, прогресс образования в России конца XIX – начала XX века в значительной степени связан именно с развитием общественной и частной инициативы в области школьного строительства⁸⁷. По замечанию современника, частные средние школы были насущнейшей потребностью времени и необходимым условием успеха и блага среднего образования: «Только частная инициатива сможет легко и успешно заняться распределением учащихся сообразно особенностям их физической и духовной природы; <...> частная средняя школа, отличаясь большей чуткостью, впечатлительностью и подвижностью, будет служить хорошим авангардом в движении и усовершенствовании учебно-воспитательного дела вообще»⁸⁸.

Одним из самых демократичных учебных заведений стало Путиловское коммерческое училище, организованное биоло-

гом В.А. Гердом⁸⁹. До этого (в 1898 году) он возглавлял Тенишевское училище, но вскоре был отстранен от этой должности после очередного ареста за связи с социал-демократами. В 1905 году он открыл экспериментальную школу в поселке Удельный, но там обучались в основном девушки из привилегированных слоев, а В.А. Герд хотел работать в школе с совместным обучением и с учениками из рабочей среды. Его стремление смогло реализоваться в 1912 году, когда он возглавил небольшую школу, открытую в одноэтажном домике парка Путиловского завода. Несмотря на многочисленные проблемы с финансированием и нехваткой помещений, В.А. Герду удалось постепенно приводить свой педагогический эксперимент в жизнь. В недействующей деревянной церкви он создал театр, где ставились спектакли для семей рабочих, в самой школе было введено совместное обучение, как и в некоторых других экспериментальных гимназиях, в Путиловском училище преобладало индивидуальное воспитание, поощрялись творческие инициативы учащихся, проводились многочисленные экскурсии⁹⁰.

Несмотря на приведенные примеры, нельзя утверждать, что инновации в области образования в частной школе всегда давали положительный эффект. Существовало даже мнение, что частные учебные заведения предназначены для детей, неспособных учиться в государственных: «(Частная инициатива. — *Е.Р., И.С.*), делаая среднее образование возможным и доступным для всякого ребенка, (сможет. — *Е.Р., И.С.*) освободить нормальную среднюю школу от лишних, неподходящих элементов»⁹¹. Интересен также тот факт, что, ратуя за снижение нагрузок на учащихся в школах, создатели школ нового типа на практике еще более увеличивали общее число уроков по сравнению с казенными гимназиями и реальными училищами. Дело в том, что новые школы обязаны были выполнять и официальную программу, что мешало стремлению организаторов частных учебных заведений ввести новые учебные дисциплины и расширить программы по многим предметам⁹².

Основными причинами развития частных высших учреждений в России были те же, что и в случае со средней школой: неспособность государственных учебных заведений удовлетворить потребность развития образования в России, жесткий

идеологический контроль над ними и ограничения, связанные с приемом в государственные учебные заведения.

Первые частные высшие учебные заведения начали появляться в 1860–1870-х годах, но действовали с перебоями, в условиях жесткого полицейского контроля. Успешное прохождение курса частных вузов не давало их выпускникам прав лиц с высшим образованием. Власть неохотно шла на признание за негосударственными учебными заведениями самого статуса «высших». Ускорили этот процесс социальные потрясения 1905 года: государство было вынуждено пойти на уступки, и 3 декабря 1905 года был утвержден «всеподданнейший» доклад министра народного просвещения И.И. Толстого, разрешавший открытие «частных» (официальное название негосударственных высших учебных заведений) курсов с программой выше, чем у средних учебных заведений⁹³. В результате число частных учебных заведений вплоть до Первой мировой войны постепенно увеличивалось (1905 год – 14; 1907 год – 50, 1913 год – 76) и только в условиях военных потрясений несколько снизилось (1917 год – 59)⁹⁴, при этом в ведущих частных учебных заведениях количество студентов продолжало стабильно расти⁹⁵, хотя и по-прежнему значительно уступало количеству студентов казенных учебных заведений⁹⁶. Следует подчеркнуть, что интенсивный рост общего числа российских вузов (примерно в 2 раза с 1903 по 1914 год – с 55 до 105)⁹⁷ был достигнут главным образом благодаря частной инициативе.

Растущая популярность частных учебных заведений обусловлена многими факторами. Зачастую в частных учебных заведениях работали ведущие ученые страны. В частности, в Психоневрологическом институте преподавали ведущие ученые своего времени: физиолог, невролог и психиатр В.М. Бехтерев, историк и социолог Н.И. Карсеев, социолог и юрист М.М. Ковалевский, философ Н.О. Лосский, педагог и анатом П.Ф. Лесгафт, юрист Н.А. Гредескул, философ Э.Л. Радлов, историк Е.В. Тарле, языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ, литературовед и лингвист Д.Н. Овсянко-Куликовский, зоолог и психолог В.А. Вагнер, филолог и историк литературы Ф.Д. Батюшков, библиограф и историк литературы С.А. Венгеров, филолог С.К. Булич, социолог и правовед М.А. Рейснер и др. Были случаи, что в частные учебные заведения шли преподаватели, не

ужившиеся в государственных университетах. В частности, большой приток видных ученых в частную высшую школу был после ухода из Московского университета целого ряда выдающихся специалистов, произошедшего в результате конфликта московской профессуры с министерством Л.А. Кассо в 1911 году.

Будущих студентов частные учебные заведения привлекали большим разнообразием читаемых курсов, гибкой программой обучения, возможностью поступать без сдачи экзамена на аттестат зрелости за восемь классов гимназии, включая экзамены по древним языкам, и толерантным отношением устроителей учебных заведений к национальности и вероисповеданию поступающих. Зачастую студентов привлекала атмосфера, царившая в учебном заведении. Например, бывшая выпускница Бестужевских курсов, Е.И. Тиме, вспоминает об удивительном единстве целей и переживаний студенток: «Жизнь ставила перед нами множество сложных вопросов, а дружеские узы помогали в них разбираться. <...> Нас всегда объединяло одно: поиски правды жизни, ее смысла»⁹⁸. Также студентов могли привлекать дисциплины, которые в государственных учебных заведениях либо не читались, либо читались ограниченно⁹⁹.

Частные заведения возникали прежде всего в тех областях, где существующая государственная образовательная система в наибольшей степени не удовлетворяла потребностям общества. Самый яркий пример — высшее женское образование, которое в дореволюционной России существовало главным образом в форме женских частных высших учебных заведений. Помимо Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге существовали курсы в Москве (Высшие женские курсы профессора В.И. Герье) и в Киеве. После 1905 года были открыты курсы в Казани, Варшаве, Одессе, Томске, Харькове, Юрьеве, Тифлисе, Новочеркасске. Широкую популярность приобрели неправительственные медицинские школы для женщин. В них преподавали профессора и приват-доценты местных высших учебных заведений¹⁰⁰. Подобные учебные заведения возникли в Москве, Ростове-на-Дону, Одессе, Саратове и других городах. Развитие высшего женского образования было одной из наиболее подверженных политической конъюнктуре областей народного просвещения. Эту нестабильность очень ярко вид-

но на примере первого женского университета в России, Бестужевских курсов¹⁰¹. По распоряжению министра народного просвещения, изданному в мае 1886 года, все частные (а иных тогда не было) высшие женские курсы были закрыты. Возобновление работы Бестужевских курсов произошло только с первого семестра 1889/90 учебного года на основании Временных правил для С.-Петербургских Высших женских курсов. Причем путь к признанию их статуса был непростым — только в 1910 году они официально были утверждены в числе высших учебных заведений Империи и только с 1913 года выпускные свидетельства курсов были приравнены к выпускным свидетельствам университета¹⁰². Количество выпускниц напрямую зависело от политики правительства: в годы контрреформ и Первой русской революции число выпускниц значительно снижалось¹⁰³.

Практически все высшее образование в области музыкального и театрального искусства также было негосударственным¹⁰⁴. Начало музыкальному образованию было положено в 1862 году, когда была создана консерватория в Санкт-Петербурге. Затем консерватории (все они входили в состав Русского музыкального общества) стали открываться в других городах: в Москве (1866), Киеве (1912), Саратове (1912), Одессе (1913). В 1878 году в Москве было открыто Музыкально-драматическое училище, в котором готовили теоретиков музыки, певцов, композиторов, актеров драматических театров. Открытый в 1912 году графом В.П. Зубовым в Петербурге Институт истории искусств в 1916 году был преобразован в высшее учебное заведение — в нем планировалось давать высшее искусствоведческое образование.

Весьма представительной по численности была группа негосударственных высших учебных заведений, готовивших кадры для сельского хозяйства, торговли, промышленности. В него входило 27 учебных заведений, 16 из которых действовали до ноября 1917 года¹⁰⁵. К этой же группе можно отнести многочисленные коммерческие высшие учебные заведения, открывавшиеся на средства купечества для подготовки студентов к банковско-страховой, кооперативной, торгово-промышленной, внешнеторговой и иной коммерческой деятельности¹⁰⁶. Их в 1905—1912 годах насчитывалось 15, но вплоть до середины

1917 года смогли функционировать лишь заведения в крупнейших городах страны: Петербурге, Москве, Киеве, Харькове¹⁰⁷.

Упомянутый выше Психоневрологический институт явление в отечественном образовании действительно уникальное. Идея создания института или отделений для исследования центральной нервной системы возникла, по словам его основателя, профессора В.М. Бехтерева, «в кружке лиц, состоящих членами Общества Нормальной и Патологической Психологии, еще в начале мая 1903 года»¹⁰⁸. Эта мысль развивалась постепенно и приняла более определенную форму, «в смысле желательности устройства в Петербурге для всей России особого Психоневрологического Института, как высшего научно-учебного учреждения, в котором могли бы разрабатываться все вопросы психологии и неврологии, включая вопросы внушения и гипноза, патологической психологии, невропатологии, экспериментальной педологии и криминальной антропологии»¹⁰⁹. Планы создателей действительно были грандиозными: «крайне желательно, чтобы проектируемый Институт объединял собою по возможности всех психологов и неврологов России»¹¹⁰. Бехтерев стремился создать учреждение для комплексного изучения человека, поэтому состав курсов должен был быть очень значителен: «Вместе с тем для лучшего осуществления задач Института предложено иметь при нем курсы наук по всем отделам, входящим в круг деятельности Института, включая также и все соприкасающиеся области знания, необходимые для более полного ознакомления с основными психологическими и неврологическими науками»¹¹¹. В этом, на наш взгляд, нашло отражение стремление большинства ведущих ученых того времени к глубокому научному синкретизму, созданию некой единой науки о человеке.

В 1904 году В.М. Бехтерев вместе с А.Ф. Лазурским разработали предварительный проект Устава, который был одобрен на заседании Общества 12 октября 1904 года, после чего представлен в МНП. 9 июня 1907 года он был утвержден, и эта дата считается днем рождения Психоневрологического института. Целью института провозглашались разработка и распространение «знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук»¹¹². В его структуре были представлены различные научные дисциплины, ориентированные на

запросы науки и общественной жизни России. Институт должен был заниматься проблемами, которые входили в компетенцию большинства антропологических наук¹¹³. В нем «по мере средств и возможности» читалось 15 курсов: исторический, философский, психологический, анатомический, биолого-физиологический, химический, патологический, антропологический, гигиенический, педагогический, врачебно-педагогический, психопатологический, невропатологический, психотерапевтический и физико-терапевтический¹¹⁴. Стремление к постоянному развитию и инновациям видно в положении устава, согласно которому «Совету Психоневрологического Института предоставляется право, по мере развития научных знаний, учреждать, сверх перечисленных <...>, и другие научные курсы по предметам, входящим в состав наук Института»¹¹⁵. Стоит отметить, что именно в Психоневрологическом институте была открыта первая в стране кафедра социологии, не включенная в штаты государственных учебных заведений. Ее возглавил известнейший ученый, общественный деятель и организатор науки в России, профессор столичного университета М.М. Ковалевский. К занятиям в учреждениях института допускались лица с высшим образованием обоего пола. К слушанию «курсов – все вообще лица обоего пола, имеющие диплом об окончании средних учебных заведений, а также лица, окончившие заграничные университеты»¹¹⁶.

Отношение властей к институту было неоднозначным. С одной стороны, правительство относилось к нему достаточно благожелательно, что выразилось, в частности, в даровании ему земельного участка под строительство собственных зданий, периодических казенных ассигнованиях и в предоставлении льгот слушателям по воинской повинности¹¹⁷. С другой стороны, институт всю свою историю привлекал повышенное внимание полиции: уже в 1909 году более трети преподавательского состава Психоневрологического института числились в МВД как «лица неблагонадежные в политическом смысле»¹¹⁸. Среди них можно выделить П.Ф. Лесгафта, М.М. Ковалевского, В.А. Мякотина и В.И. Баумана (родственника убитого монархистами большевика Н.Э. Баумана). Отношения самого В.М. Бехтерева с властью также складывались достаточно сложно. Министр Л.А. Кассо добился того, что ученый после 35 лет службы в Военно-медицинской академии не был оставлен за-

служенным профессором и не получил разрешения переизбираться на пост президента Психоневрологического института¹¹⁹. Во «всеподданнейшем отчете» Санкт-Петербургского градоначальника за 1912 год отмечалось, что в Психоневрологическом институте существует «определенно выраженное противоправительственное направление как преподавательского его персонала, так и всего состава слушателей»¹²⁰. Л.А. Кассо потребовал закрытия Психоневрологического института, однако председатель Совета министров И.Л. Горемыкин счел эту меру несвоевременной и способной произвести «крайне неблагоприятное в общественном мнении впечатление»¹²¹. Закрытие Психоневрологического института было, по мнению И.Л. Горемыкина, тем более нежелательно, что институт основан и содержится преимущественно на частные средства¹²². В итоге правительство ограничилось требованиями изменения устава института, а созданная в 1915 году новым министром П.Н. Игнатьевым специальная комиссия сделала вывод, что он «выполне не может удовлетворять требованиям, которые предъявляются к частным высшим учебным заведениям»¹²³.

Среди частных учебных заведений дореволюционной России, работавших по программе, близкой к университетской, также стоит выделить Санкт-Петербургский и Московский археологические институты, основанные в 1877 и 1907 годах соответственно. Они должны были давать подготовку в архивах лицам, имеющим высшее образование. Им преподавались специальные исторические дисциплины, отсутствовавшие в университетах: архивоведение, археология, палеография, историческая география, нумизматика и др.¹²⁴ Институты сыграли очень важную роль в развитии отечественной исторической науки. В России также существовали иные негосударственные высшие учебные заведения — педагогические, коммерческие, сельскохозяйственные, инженерные. Неправительственными были фактически все учебные заведения, дававшие высшее образование в области искусствоведения, музыкального и театрального искусства¹²⁵. В большинстве из них готовили специалистов высочайшего уровня.

Отдельно стоит сказать о таком явлении в негосударственном образовании, как народные университеты, которые трудно отнести однозначно к определенной «ступени образования» и которые как образовательный институт занимают промежуточ-

ное положение между учебным заведением и просветительским обществом. Дело в том, что народные университеты и общества народных университетов появились и получили развитие в системе внешкольного образования в России. Их прототипами становились народные университеты и так называемые «политехникумы» Англии и США, высшие крестьянские школы Дании и Швеции. Еще в последние десятилетия XIX века в России возникли два учреждения, которые не именовались народными университетами, но были очень близки к ним по характеру своей деятельности. Это Смоленская школа (или Смоленские классы), находившаяся в селе Смоленском под Петербургом, и Пречистенские курсы в Москве¹²⁶. Смоленская школа, начало которой было положено в 1883 году, к 1900-м годам имела следующую структуру: начальная школа, специальные классы, группы окончивших специальные классы; долгосрочные и краткосрочные предметные курсы, четверговые общие чтения (лекции), группы по подготовке к экзаменам на учителя средней школы и аттестат зрелости¹²⁷. Пречистенские рабочие курсы были открыты Русским техническим обществом 12 октября 1897 года. К 1908 году они объединяли три основных звена: низшую школу (обучение за начальную школу), среднюю школу (предметы общеобразовательной школы), высшую школу (с университетскими дисциплинами). На курсах работали такие видные отечественные ученые, как физиолог И.М. Сеченов, педагог Н.В. Чехов, химик А.Н. Реформатский, обществовед и естествовед И.И. Скворцов-Степанов¹²⁸.

Впервые под названием «народного университета» выступили общеобразовательные курсы в Петербурге, организованные Педагогическим обществом взаимной помощи, назвавшие в отчете за 1897 год свое учреждение «Народный университет в С.-Петербурге», которые, впрочем, были вскоре закрыты властями¹²⁹. По-настоящему широкий размах движение «народных университетов» приобрело в ходе революции 1905–1907 годов. С декабря 1905 года, несмотря на противодействия властей, открываются общества народных университетов в Москве, Варшаве, Казани, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Смоленске, Саратове, Воронеже, Пскове и других городах. К концу 1907 года было зарегистрировано около полутора десятков обществ. В конце февраля 1906 года было образовано Всероссийское об-

щество народных университетов (зарегистрированное в октябре 1906 года как Санкт-Петербургское общество народных университетов)¹³⁰. Создаваемые «университеты» могли серьезно отличаться друг от друга, причиной чему были влияние устроителей, финансовые возможности, противодействие со стороны властей¹³¹. В 1915 году в Томске был открыт народный университет имени П.И. Макушина, в 1916 году народный университет открылся в Нижнем Новгороде, также планировалось открытие схожих учреждений в Киеве и Харькове, чему помешала Первая мировая война. Преподавательские коллегии академических отделений народных университетов были сформированы в основном из деятелей местных высших учебных заведений¹³². Важно подчеркнуть, что, поскольку народные университеты изначально возникают как форма образования, альтернативная государственной школе, не дающая «дипломов» и «прав», их образовательные программы, как правило, не были соотнесены с соответствующими программами средней и высшей школы. В представлении прогрессивной общественности цель народных университетов — просвещение, «духовное раскрепощение», «подготовка к сознательной гражданской жизни»¹³³. В то же время предполагалось, что Общество народных университетов может заменить по крайней мере две ступени государственного образования — среднюю и высшую. Важно, что народные университеты предназначались для тех, кто был лишен прав поступления в высшие учебные заведения из-за отсутствия среднего образования. В них принимались лица обоего пола, достигшие 16 лет. Так как многие из учащихся совмещали учебу со службой, занятия проводились в вечернее время¹³⁴. Учитывая, что большинство слушателей народного университета обладали только начальным образованием¹³⁵, исключительное значение имели курсы, закрывавшие материал программы средней школы, которые отделялись собственно от «университета»¹³⁶.

Наиболее известным и популярным народным университетом стал Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Его открытие в 1908 году стало значительным событием в истории отечественного высшего образования. Стремление его инициатора, генерала Альфонса Леонovichа Шанявского, к созданию учреждения, способного

удовлетворить «потребности высшего образования»¹³⁷, в политических условиях того времени осуществить было достаточно сложно. Он обратился к людям, которым дороги интересы народного просвещения. Летом 1905 года в Москве происходят коллегиальные совещания, в которых участвуют М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, В.К. Рот, кн. Е.Н. Трубецкой, Н.И. Гучков, Н.Н. Щепкин, В.Е. Якушкин, Н.В. Сперанский, М.В. и С.В. Сабашниковы. На них были выработаны основы Московского городского народного университета¹³⁸. Целью университета провозглашалось служение «широкому распространению высшего научного образования и привлечению симпатий народа к науке и знанию»¹³⁹. В университете планировалось преподавать «предметы по всем отраслям научного знания», причем их чтение могло вестись «не только на русском, но и на других языках»¹⁴⁰.

Средства университета составлялись в основном из доходов с имущества, пожертвованного А.Л. Шанявским, а также из иных возможных пожертвований и из платы за слушание лекций. Получив согласие Московской городской думы на принятие ею условий устройства народного университета, долженствовавшего «служить распространением просвещения»¹⁴¹, А.Л. Шанявский, предчувствуя свою скорую смерть от чахотки, которой он долгое время болел, завещает будущему университету все свое имущество¹⁴² и умирает 7 ноября 1905 года. После его кончины комиссия для выработки организации и устава народного университета продолжила работу. В нее входили как лица, назначенные Альфонсом Леоновичем (Л.А. Шанявская, В.К. Рот, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, К.А. Тимирязев, В.Е. Якушин, А.Н. Шереметевская, А.Н. Реформатский и Н.В. Сперанский), так и избранные городской думой (А.С. Алексеев, А.С. Вишняков, А.Н. Геннерт, М.Я. Герценштейн, кн. В.М. Голицын, А.И. Гучков, А.А. Мануйлов, Н.М. Перепелкин, С.В. Пучков и И.К. Спижарный)¹⁴³. Как видно из этого списка, в комиссии доминировали представители либеральной интеллигенции, что наряду с условиями завещания А.Л. Шанявского предопределило характер проекта Положения о народном университете, утвержденного 30 мая 1906 года Московской городской думой¹⁴⁴ и переданного на утверждение в МНП, которое потребовало внесения различных поправок и

дополнений. В итоге учредителям пришлось пойти на уступки, что было связано в первую очередь с необходимостью открыть университет не позднее 3 октября 1908 года согласно завещанию А.Л. Шанявского (в противном случае все пожертвованное движимое и недвижимое имущество должно было быть передано Петербургскому женскому медицинскому институту)¹⁴⁵. В ноябре 1907 года проект наконец был внесен министром П.М. фон Кауфманом в Государственную думу.

Дебаты в 3-й Государственной думе вокруг этого университета в высшей степени показательны для понимания того общественного значения, которое имело понятие «народного университета». Заключение Комиссии Государственной думы по народному образованию (в которой доминировали октябристы) было неблагоприятно для инициаторов нового университета в том смысле, что лишало его права выдачи своим слушателям каких бы то ни было удостоверений и дипломов. Исключая из первоначального проекта этот параграф, Комиссия, согласно ее заявлению, руководствовалась «искренним сочувствием к возникновению у нас в России высшего учебного заведения, предлагающего своим слушателям только блага науки и не дающего никаких дипломов или свидетельств, могущих иметь практическую ценность на жизненном рынке. Такое условие вполне совпадает с полной академической свободой в постановке преподавания, в организации ряда курсов или даже факультетов <...> Комиссия опасается, что при сохранении этого параграфа и при известном недостатке у нас высших учебных заведений наплыв слушателей и их настойчивые желания окажут моральное давление на руководителей нового университета, вынуждая его все более и более приспособлять преподавание к практическим задачам пути образования, как пути жизненной профессии. Задачи эти конечно имеют полное право на существование, но им должны удовлетворять государственные или частные высшие школы с определенными требованиями вступления в них, определенным циклом преподавания и строго определенными условиями для получения дипломов. Этим условиям не может и очевидно не хочет удовлетворять народный университет А.Л. Шанявского. Его цель иная: широко раскрытые двери и источник знания по всем отраслям науки <...> Исключение § 43 облегчает задачи уни-

верситета и в том отношении, что вместе с ним выпадают и нелегкие задачи организации экзаменов, контроля практических занятий, проверки личностей, документов и проч. Отношения просты и ясны, а цель одна — культивировать науку и распространять ее блага возможно шире»¹⁴⁶. Министерство, тем не менее, проект отозвало¹⁴⁷, затем чтобы внести его вновь в мае того же года¹⁴⁸. Примечательно, что этот проект к идее дипломов не возвращался, однако усиливал в духе политики нового министра А.Н. Шварца контроль над создаваемым учреждением, что вызвало критику в Комиссии по народному образованию уже с позиций консервативного либерализма. В этих решениях еще раз проявилась суть октябристской точки зрения по университетскому вопросу. В докладе Комиссии, в частности, отмечалось, что усиление контроля за университетом — утверждение программ курсов и чтений попечителем, утверждение и министром уставов кафедр и факультетов и пр. стесняют «академическую свободу» и «не вызываются необходимостью в учреждении, не дающем никаких ученых или профессиональных прав». Соглашаясь ради учреждения «свободного рассадника науки и знания» на сих, Комиссия, тем не менее, не находила оснований для того, чтобы «члены комитета усовершенствования [Университета, избираемые городской думой] подлежали утверждению Министра народного просвещения, ибо комитет усовершенствования есть исключительно совещательное собрание, не располагающее ни властью, ни прямым влиянием на ход дел в университете»¹⁴⁹. Иными словами, позиция Комиссии заключалась в том, что государство имеет право на контроль за университетом только в том случае, если предоставляет ему определенные социальные преференции.

В результате столкновений позиций министерства и Комиссии развернулась одна из первых дискуссий в Думе, связанная с проблематикой высшей школы. Министр А.Н. Шварц исходил из той точки зрения, что «общегосударственные интересы» должны «быть соблюдаемы во всяком новом просветительском учреждении», и решительно отбивался от критических замечаний комиссий, доказывая необходимость научного контроля над «народными университетами». Министр особо указывал на то, что создаваемое учреждение нуждается в особенной опеке

со стороны правительства, поскольку претендует быть не только «постоянным учреждением для чтения той или другой серии лекции, для популяризации знания, но и учебным заведением для получения высшего научного знания». Как замечал А.Н. Шварц, усиливая контроль за университетом, министерство «вовсе не оценивало деятельности этого народного университета с точки зрения прав и дипломов, которые оно будет выдавать своим слушателям; помимо прав и прежде всяких прав, такое учреждение должно сообщать своим слушателям известные знания, которые должны влиять на умственное и нравственное их развитие», министр также настаивал на утверждении членов Комитета усовершенствования, особо указывая на то, что раз он «в значительной степени будет все-таки состоять из иностранцев», «то желательно было бы, чтобы за цензом этих иностранцев Министерство могло следить и утверждать их избрание»¹⁵⁰. Иными словами, министерство оставалось на точке зрения обязательного государственного контроля над любыми формами народного образования. Левые депутаты (беспартийный Т.О. Белоусов, трудовик А.А. Булат) рассматривали университет как альтернативное реакционному государственному высшее образование¹⁵¹, октябристы настаивали на отказе от практики утверждения программ (принципы академической свободы: Н.Е. Капустин¹⁵², В.К. фон-Анреп¹⁵³, П.В. Каменский¹⁵⁴), кадеты и прогрессисты (В.А. Маклаков¹⁵⁵, В.С. Соколов¹⁵⁶, П.Н. Милюков¹⁵⁷) предпочитали сосредоточиться на критике бюрократической практики министерства и самого факта противодействия министерства «обществу» и «воле завещателя». В.М. Пуришкевич выступил от имени правых с программной речью, в которой дал яркую характеристику «народных университетов» как инструмента революции, используемого левыми с 1905 года: «Пока правые спали, пока правые еще не очнулись от того кошмара, от того угара, который происходил в России, левые поняли всю выгодность своего положения, и уже в декабре 1905 года — 17 октября был манифест, а уже в декабре появляется С.-Петербургское общество народных университетов, во главе которого стоит гражданский инженер Дмитриев. Из фееричной быстроты, с которой оно развивается, мы видим, какое значение придают левые элементы населения захвату народных школ. <...> [П]ока мы не сознали

всей важности момента, левые пустились в народ, стали работать, не покладая рук, собирали средства и создавали то дело, которое уже окрепло, и, если мы, правые, будем продолжать спать, если мы не дадим им отпора, то это повлечет катастрофу и разрушит Россию. Да, господа, университет Шанявского, это новый этап революционной пропаганды <...> то дело, которое должно было начаться с молитвы и действительно, если бы оно преследовало идею любви, а не ненависти, было бы высшее для народа благо, что этому делу дан ложный, гибельный, нетерпимый путь <...> если, господа, нас в будущем будут преследовать те же печальные, те же ужасные картины разврата в стенах народного университета, какие мы видим в средней школе, в низшей школе отчасти, и в особенности в русском университете, в высших учебных заведениях, то тогда я скажу — мы не доросли еще до идеи правильного понимания народного университета, ему у нас еще не время... (Шум.) Поэтому, исходя из всего этого, я позволю себе сказать, что мы с прискорбием, вдумываясь в каждую строку, которая здесь с этих правительственных скамей дается в объяснение университета Шанявского, может быть согласились бы с теми параграфами устава и положений об этом университете, которые в них проведены, но ни на какие послабления, ни на какие расширения прав личной и частной инициативы пойти не можем, ибо мы знаем, что революция пошла вглубь и что школа, взятая революционерами <...> разрушит Россию»¹⁵⁸. Пуришкевича решительно поддержали его коллеги по фракции Ф.Ф. Тимошкин и Н.Е. Марков 2-й, которые видели в народных университетах опасность для русской государственности¹⁵⁹. Разделительная линия в мнениях по поводу министерских предложений и его политики прошла по фракции умеренно правых — если А.Н. Ткачев солидаризировался с правыми и министерством, то граф В.А. Бобринский сорвал аплодисменты слева, заявив, что именно бессмысленная запретительная политика и цензурная политика правительства довела российские университеты до ужасного состояния¹⁶⁰. Формальным итогом дискуссии было принятие законопроекта в той редакции, в которой он был внесен Думской комиссией, несмотря на возражения министерства (которая и стала законом — 1 июля 1908 года устав университета был утвержден верховной властью)¹⁶¹.

Таким образом, устав, а соответственно и концепция Университета имени А.Л. Шанявского были значительно изменены. Образовательный процесс формально полностью контролировался администрацией учебного ведомства. В ее полномочия входило утверждение программ систематических курсов, уставов факультетов и постоянных кафедр, утверждение председателей попечительного совета и правления. Было запрещено преподавание на иностранных языках. В академическом совете могли участвовать только преподаватели, имеющие ученую степень, а не весь наличный состав преподавателей¹⁶². Попечительный совет университета должен был состоять из двадцати членов, десять из которых (с числом женщин не менее двух и лиц, обладающих высшей ученой степенью не менее четырех) должны избираться Московской городской думой, и десять пожизненных, указанных А.Л. Шанявским¹⁶³. Преподавать в университете могли лица обоего пола, имеющие ученую степень, или «составившие себе имя в литературе, науке или данной области преподавания, или же известные своими познаниями и дарованиями Попечительному Совету». Иностранцы могли допускаться к преподаванию только с разрешения попечителя Московского учебного округа, по соглашению с московским градоначальником¹⁶⁴. Однако на практике реальная автономия университета была несравненно больше формальной, что, впрочем, было характерно и для государственной высшей школы¹⁶⁵. К слушанию чтений и прочим занятиям в университете допускались лица обоего пола не моложе 16 лет, без различия национальности и вероисповедания¹⁶⁶. Учредители старались как можно больше снизить плату за обучение: «Плага за слушание лекций по предметам или по группам предметов определяется Попечительным Советом в возможно доступном размере и подлежит полной отмене, как только позволят средства Университета»¹⁶⁷. Преподавание на академическом отделении велось по предметной системе, поэтому программы циклов, выработанные университетом по естественно-историческим, общественным и философским наукам, имели характер рекомендации, а не обязательный. Слушателям предоставлялось право самим составить свой цикл из объявленных предметов или записаться даже на один какой-либо предмет или на несколько объявленных курсов¹⁶⁸. Университет превратился в

крупный научный центр в области естествознания (физика, биология). Высок был его авторитет и в области преподавания гуманитарных наук. Достичь этого университету позволила первоклассная преподавательская коллегия. Здесь работали такие выдающиеся естествоиспытатели, как П.Н. Лебедев, П.П. Лазарев, Ю.В. Вульф, Н.К. Кольцов, А.Н. Реформатский, ученицы В.О. Ковалевского — О.В. Ермолова, М.В. Павлова. Среди преподавателей общественных наук были А.А. Мануйлов, А.А. Кизеветтер, П.Н. Сакулин, М.Н. Гернет и другие видные ученые.

Значимым итогом думских дебатов по проекту устава Университета имени А.Л. Шанявского стало формулирование критического дискурса большинства 3-й Государственной думы относительно политики правительства в университетском вопросе. Отвечая В.М. Пуришкевичу, председатель Комиссии по народному образованию В.К. фон Анреп заявил: «Все, что делает Правительство для того, чтобы задержать то направление, которое вы считаете пагубным, никогда не приводило ни к каким положительным результатам. Вы говорите: “пусть Министерство положит свою длань на этот несчастный университет”. А те университеты, которые уже давным-давно в кулаке у Министерства (*рукоплескания слева*), что же там сделала эта министерская опека? привела ли она их в порядок? поставила ли она их на путь действительного государственного служения? Нет, она их привела к такому падению, которого, — я смело скажу, — никогда не было в Европе (*рукоплескания*)»¹⁶⁹. На протяжении всего дальнейшего хода заседаний 3-й и 4-й Думы (до 1915 года) отношение октябристского большинства к политике министерства было резко критическим. В преддверии обсуждения нового университетского устава В.К. фон Анреп заявлял: «Мы твердо стоим на одном: вмешательство Министерства в назначение профессоров, в распределение курсов, во взаимоотношения профессоров и студентов между собою есть посягательство на высшие учебные заведения, которое всегда будет препятствовать развитию науки, развитию порядка в этих учебных заведениях и будет служить всегда источником недоразумений, постоянных столкновений между двумя властями: между властью непосредственно ведущих дело, т.е. коллегией профессоров, и между высшим представителем власти — Министерством, добра от этого мы ждать не можем»¹⁷⁰.

Кроме собственно учебных заведений необходимо кратко указать и на другие негосударственные социальные институты, игравшие важную роль в системе народного просвещения. В пореформенное время благодаря общественной инициативе создается сеть таких центров народного просвещения, как краеведческие музеи, организаторами которых выступали учебные заведения, земства и частные лица. География открывавшихся музейных собраний, посвященных изучению местного быта и древностей, охватывала почти всю страну — укажем на открытие подобных музеев в Архангельске (1859), Ярославле, Уфе, Ревеле (1864), Твери, Вятке (1866), Тобольске (1870), Петрозаводске, Екатеринбурге (1871), Вологде (1872), Пскове (1876), Минусинске (1877), Тамбове, Омске, Тюмени (1879), Енисейске, Елизаветграде (1883), Рязани (1884), Нерчинске (1886), Саратове, Ачинске (1887), Смоленске (1888), Кяхте, Владивостоке, Перми (1890), Якутске, Благовещенске (1891), Угличе (1892), Калуге (1893), Казани, Хабаровске (1894), Нижнем Новгороде, Чите, Симбирске, Череповце (1895), Воронеже (1896), Орле (1897), Таганроге (1898), Чердыни (1899) и других городах¹⁷¹. Другим институтом местного просвещения стали публичные библиотеки, бурное развитие которых в пореформенный период шло главным образом благодаря обществу. Если в 1864 году в стране насчитывалось 275 публичных библиотек (включая государственные, общественные и частные), то в 1884 году их уже 509, в 1894 году — 772. Интенсивный рост российской библиотечной системы был обусловлен прежде всего массовым открытием «народных библиотек», связанным с деятельностью органов местного земского самоуправления. При их поддержке почти вся территория Европейской России оказалась охваченной библиотечной сетью. Земства широко пользовались меценатской помощью, предоставленной русским образованным классом и предпринимателями. Только на средства, завещанные известным «прогрессивным» издателем Ф.Ф. Павленковым, к 1909 году было создано 2 тыс. библиотек. Общее количество публичных библиотек в 1916 году приближалось к 25 тыс.¹⁷² Что касается роли правительственной власти в организации массовых библиотек, то она скорее была «сдерживающей» и «контролирующей», поскольку правительственная бюрократия усматривала в библиотеках

(часто не без оснований) очаг распространения «крамольных идей». Например, в марте 1883 года издается специальный циркуляр, предписывающий допускать в народные читальни только книги, специально одобренные МНП для «народного чтения» и для «низших учебных заведений»¹⁷³. В эпоху «контрреформ» были также изданы (5 января 1884 года) специальные правила, касавшиеся организации библиотек. Согласно им право выдавать разрешение на открытие библиотек предоставлялось министру внутренних дел, который мог в любое время закрыть библиотеку, если находил это необходимым, губернатору же представлялось право увольнять от работы в библиотеке любого ее сотрудника. Главным управлением по делам печати и Департаментом полиции систематически составлялся список произведений, которые должны были изыматься из библиотек (первая такая «чистка» российских библиотек была проведена в 1884 году)¹⁷⁴. Охранительный характер носили и специальные правила о порядке работы бесплатных читален, изданные 15 мая 1890 года¹⁷⁵.

Другой важный институт «негосударственного просвещения» — общества разного типа, которые в той или иной степени вели просветительскую деятельность¹⁷⁶. При этом ситуация с организацией обществ просветительского характера была во многом схожа с ситуацией в области негосударственного образования. Общественная инициатива неизбежно наталкивалась на противодействие властей, стремившихся оградить население и, в первую очередь, подрастающее поколение от «вредоносных» идей. Свою жизнь общество начинало с собрания учредителей, на котором выработывался проект устава и затем отсылался на утверждение органам местного самоуправления. Далее ходатайство шло губернатору, а от него — в МВД. Промежуточным звеном выступал обер-прокурор Синода: лишь с его разрешения контролирующее ведомство могло утверждать уставы обществ¹⁷⁷. Почти все министерства и равные им центральные учреждения имели в своем ведении те или иные общества. Больше всего их было в ведении МВД (благотворительные общества, взаимовспомогательные, пожарные, церковные, потребительные, различные клубы, артели, попечительства)¹⁷⁸. Научные общества при учебных заведениях, просветительские общества, общества взаимопомощи учителей и студенческие

организации контролировались МНП. В 1902 году ему были переданы из МВД общества попечения о народном образовании¹⁷⁹. В этих условиях, как отмечает современный исследователь М.В. Михайлова, «отсутствие прочной правовой основы <...> отдавало эти (просветительские и педагогические организации и общества. — *Е.Р., И.С.*) произволу администрации. Процедура открытия просветительного или педагогического общества настолько сложна, а утверждение его устава обставлено такими условиями, проходило через столько инстанций, что основать новое Общество было чрезвычайно трудным»¹⁸⁰. Революция 1905—1907 годов, добившись провозглашения свободы союзов и свободы собраний, заставила власть изменить законодательство. Первый закон об обществах и союзах в виде Временных правил был принят 4 марта 1906 года¹⁸¹. Временные правила были первым и единственным до 1917 года специальным законодательным актом, определявшим основы функционирования общественных организаций¹⁸². Надо отметить, что Правила предоставляли свободы, обещанные Манифестом 17 октября, в весьма ограниченном виде. В частности, министр внутренних дел мог «во всякое время, по ближайшему своему усмотрению, закрывать общества, <...> если деятельность этих обществ и союзов признается им угрожающей общественному спокойствию или безопасности»¹⁸³. Временными правилами регулировались условия регистрации обществ, в них содержалось перечисление обязательных пунктов уставов, регламентировался порядок их утверждения. Важным также являлось законодательное закрепление уже происходившего процесса передачи контроля над обществами из ведения центра к губернским властям.

Как и в случае с учебными заведениями, сложность открытия просветительских обществ обязывала их организаторов искать «лазейки» в законодательстве. Общества могли официально являться лишь благотворительными организациями, ведя при этом активнейшую просветительскую работу: «учреждали и содержали школы, профессиональные училища, библиотеки, читальни, книжные склады, сиротские приюты, оказывали помощь нуждающимся учителям и учащимся»¹⁸⁴. Примером подобной маскировки также можно считать Общество помощи в чтении больным и бедным, созданное в 1895 году как благо-

творительная организация. Оно объявило своей целью снабжение книгами больничных и тюремных библиотек. На практике его деятельность была намного шире: оно устраивало для рабочих чтения и спектакли, организовывало библиотеки на фабриках и заводах. В состав участников общества входили видные ученые и общественные деятели: председателем правления был П.Ф. Лесгафт, а членами — А.И. и М.Т. Елизаровы, В.П. Краснуха, П.Ф. Куделли и другие известные революционные деятели. В июне 1901 года по распоряжению властей это Общество было закрыто¹⁸⁵. В условиях крайне низкого уровня грамотности населения основной целью просветительских обществ являлось развитие начального образования в стране, причем как среди детей, так и среди взрослых. Почти все они были сугубо локальными: губернскими, уездными, городскими. Первыми подобными организациями в пореформенной России были Московский и Петербургский комитеты грамотности, созданные в 1861 году. Комитеты издавали литературу, создавали библиотеки, оказывали помощь местным организациям, устраивали курсы для учителей¹⁸⁶. Правительство опасалось пропаганды либеральных и революционных идей в комитетах, поэтому, не решаясь закрыть их официально, в 1895 году преобразовало в так называемые «общества грамотности», которые, хотя и сохраняли видимость самостоятельности, были полностью подчинены МНП. Этим власть добилась ухода наиболее инициативных членов комитетов, что привело к резкому снижению их общественной активности. Среди региональных организаций стоит выделить Харьковское общество распространения в народе грамотности, образованное в 1869 году, Томское общество попечения о начальном образовании, Комиссию по устройству народных чтений, созданную в 1882 году при Одесском славянском благотворительном обществе¹⁸⁷. Отметим, что в ряде случаев опасения властей относительно «подрывной» деятельности просветительских обществ были оправданными: большинство общественных организаций активно участвовало в политической жизни на стороне либеральной и радикальной оппозиции¹⁸⁸. Ответной мерой правительства, помимо прямых репрессий, было создание «правильных» организаций, пропагандирующих монархизм и православные консервативные ценности. Зачастую подобные проекты становились оплотами черносотенного движения в стране. Наиболее

ярким примером этого явилось созданное в 1901 году Русское собрание.

Отдельно следует сказать о профессиональных организациях учителей. Учительские съезды и курсы, способствовавшие солидарности, осознанию необходимости взаимной поддержки учительства, стали устраиваться в 1860–1870-х годах. Первыми попытками создания профессиональных учительских организаций в 1860-х годах были организации ссудно-сберегательных касс и обществ взаимной помощи учителей. Такие общества были созданы в Одессе, Рязани, Москве и в ряде других городов. Общества принадлежали разным ведомствам (9 – ведомству МВД и 6 – МНП). С 1890-х годов начинается целое движение к созданию обществ взаимной помощи учащихся¹⁸⁹. Их развитие вызывало опасения со стороны властей (не секрет, что многие представители учительской профессии активно участвовали в антиправительственных организациях). Для регулирования их деятельности 5 июля 1894 года был утвержден типовой устав обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим. Отныне их деятельность ограничивалась лишь материальной взаимопомощью¹⁹⁰. Согласно статистическим данным, в 1901 году в 53 учительских обществах, представивших о себе сведения, состояло 21 695 человек (из них 14 857 учителей, 5052 неучителя и 1786 человек, о роде занятий которых не было данных). Эти организации были различны по числу участников, размерам членских взносов, но в целом располагали небольшими средствами (в частности, библиотеки имели только 15 обществ из 53)¹⁹¹. При обществах могли создаваться так называемые Учительские дома, должны стать центрами работы и проведения различных мероприятий обществ. Там были библиотеки, музей, читальные залы, выставки и т.п. Первый Учительский дом был открыт 30 декабря 1911 года в Москве. Здание было прекрасно оборудовано, проекту оказывалась большая материальная помощь (что, однако, было для учительских домов скорее исключением). К 1913 году учительские дома имели Вологодское, Вятское, Нижегородское, Новочеркасское, Ярославское и ряд других обществ¹⁹².

К моменту открытия I Всероссийского съезда представителей учительских обществ взаимопомощи (декабрь 1902 года) их число уже превысило 70, на съезде обсуждались механизмы взаимодействия обществ, юридическое положение учите-

лей и организация народного образования в стране¹⁹³. Дальнейшую активизацию учительской общественности после революции 1905–1907 годов отражают материалы съездов по народному образованию, которые вполне характеризуют мировоззрение их участников. Так, учителя призвали отказаться от прежнего понимания начальной школы как особой школы «для детей необеспеченных классов населения»: «Нач[альная] школа должна быть признана первой ступенью в общей системе народн[ого] образования и, как таковая, должна быть непосредственно связана со школой высших ступеней»¹⁹⁴. Участникам съездов были присущи те же демократические идеалы, что и либеральной интеллигенции России того времени: внесловный и светский характер образования всех ступеней, равный доступ к нему. Школа должна содействовать полноценному развитию ребенка («физическому, нравственному, эстетическому и умственному»), должна «воспитать в нем человека и подготовить его к разумному и честному разрешению вопросов личной и общественной жизни»¹⁹⁵. Среди более конкретных требований можно выделить выступления за снижение числа учеников в классах, за совместное обучение, организацию школьных завтраков, расширение сети сельских школ, всеобщее обучение, охрану детского труда, развитие библиотек и кинематографа. Констатирование чрезвычайно низкого уровня грамотности в стране приводило к требованиям увеличения числа вечерних школ для взрослых, организации для них различных образовательных курсов. Популярны также были идеи так называемого «свободного воспитания», включавшие отмену экзаменов («экзамены вредны с педагогической точки зрения, т.к. нарушают правильный и естественный ход педагогической работы в школе»¹⁹⁶), развитие внешкольного образования, самостоятельности и творчества учащихся. Таким образом, съезды по народному образованию, активно критикуя действия правительства в области народного образования и стремясь к кардинальным переменам в этой области, представляли собой активную и достаточно значительную оппозицию власти. Неудивительно, что многие из идеологов реформ в образовании являлись активными деятелями революционного движения¹⁹⁷. В этих условиях к деятельности учительских обществ власть относилась настороженно.

В 1908 году МНП постановило приостановить новую регистрацию учительских обществ, якобы до пересмотра типового устава. В 1909 году Сенат вынес решение, «разъясняющее» закон от 4 марта 1906 года и возвращающее почти прежний порядок учреждения общественных организаций. По этой причине вплоть до 1912 года, когда министерство уведомило об отказе от пересмотра устава, новые общества не возникли¹⁹⁸. В 1913 году состоялся Всероссийский учительский съезд, названный в честь К.Д. Ушинского, на котором присутствовали представители 108 учительских обществ из 130, объединивших порядка 50 тыс. членов, т.е. примерно треть всего российского учительского корпуса¹⁹⁹. Основными требованиями учителей были демократизация образования, свобода в выборе методов преподавания, отмена преследования со стороны властей за политические и религиозные убеждения²⁰⁰.

Как и в случае с негосударственными высшими учебными заведениями, значительную долю среди просветительских обществ составляли организации, занимавшиеся проблемами женского просвещения и образования. В 1870–1880-х годах появились московские общества воспитательниц и учительниц (1870) и распространения практических знаний между образованными женщинами (1887), Екатеринославское общество попечительства о женском образовании (1872), Тифлисское общество взаимного вспоможения учительниц и воспитательниц (1885) и др. С годами эта тенденция продолжилась: были основаны Московское общество улучшения участи женщин (1899), Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию в Петербурге (1899) с отделениями в Киеве, Харькове, Туле, Саратове, Ставрополе и других городах²⁰¹.

Среди многочисленных негосударственных социальных институтов, способствующих просвещению, можно отметить «общества вспомоществования» учебным заведениям. Такие общества существовали фактически при всех государственных и частных высших учебных заведениях и при огромном числе средних и начальных школ. Основной функцией таких учебных заведений была помощь в оплате обучения и предоставление материальной поддержки неимущим учащимся. Важно, что в ряде случаев общества вспомоществования, существовавшие

при средних учебных заведениях, помогали своим выпускникам, предоставляя стипендии на получение высшего образования²⁰².

В деле народного просвещения нельзя не выделить роль научных и технических обществ, бурный рост числа которых начался во второй половине XIX века²⁰³. Они существенно превосходили по своим темпам роста сети государственных научных центров и постепенно превращались в важную форму организации научной деятельности²⁰⁴. Многие из таких обществ создавались формально при государственных структурах, например университетах, однако в своей практической и организационной работе были автономны. Хотя для избрания в члены какого-либо научного общества необходимы были рекомендация одного из его членов и положительное голосование его Совета или Общего собрания, однако на практике это не являлось существенным препятствием для пополнения состава таких обществ, насчитывавших иногда несколько сотен человек²⁰⁵. Основной формой деятельности большинства общества была организация научных и просветительских докладов разнообразной тематики, однако общества могли предпринимать и более обширные проекты как в научной, так и в просветительской сфере (например, организация учебных курсов или экскурсий).

Условно все научные общества можно разделить на гуманитарные и естественно-научные. Большой общественный резонанс имели гуманитарные, что было обусловлено не только их более тесной связью с ходом социальной жизни, но и тем, что в задачи гуманитарных обществ также входили вопросы развития и популяризации недостаточно институционализированных научных дисциплин: социологии, политической экономии, этнографии, психологии, мезологии (бионии), антропологии. В наибольшей степени это было характерно для социологии и психологии. Однако и в традиционных «академических» отраслях знания общественная активность была высокой. Так, одних только исторических обществ к 1905 году насчитывалось порядка сорока²⁰⁶. Говоря о гуманитарных обществах, можно упомянуть Неофилологическое общество при Петербургском университете, которое существовало с 1887 (первоначально Романо-германское отделение Филологиче-

ского общества) по 1918 год. Общество имело два отделения — лингвистическое (индоевропейское) и педагогическое. По словам исследователя М.Ю. Корневой, Общество «было своего рода центром теоретических исследований в области сравнительного литературоведения; отличительной чертой его был академизм»²⁰⁷. В то же время Общество являлось трибуной не только для университетских (и внеуниверситетских) профессоров и приват-доцентов (историки русской и зарубежной литературы А.Н. Веселовский, Ф.Д. Батюшков, Д.К. Петров, И.А. Шляпкин и А.Н. Пыпин, лингвист С.К. Булич, философ И.И. Лапшин, филолог-итальянист И.И. Гливенко, антиковед Ф.Ф. Зелинский и др.), но и для литераторов — Д.С. Мережковского, Вяч.И. Иванова, Н.Н. Ходотова, В.М. Гаршина и др.²⁰⁸ В 1885 году состоялось учреждение Московского психологического общества (1885—1922) при Московском университете. Целью его было, ввиду сближения многих наук «на почве психологических вопросов», соединение разрозненных трудов психологического характера для «более широкой и плодотворной разработки психологии в ее составе, приложениях и истории равно как и для распространения психологических знаний в России»²⁰⁹. В состав Общества входило множество известнейших ученых, мыслителей и деятелей культуры, некоторые из которых по праву достойны титула *spiritus rector* эпохи: В.А. Дриль, М.М. Ковалевский, А.Ф. Кони, Г.Е. Струве, В.И. Вернадский, Е.В. Де-Роберти, С.А. Муромцев, В.О. Ключевский; принимавшие участие в работе Общества Л.Н. Толстой, А.А. Фет, В.С. Соловьев, А.Н. Скрябин и др.²¹⁰ В 1889 году при столичном университете было организовано Историческое общество, функционировавшее до 1919 года. Согласно уставу, цели Общества сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Примечательно, что, когда в 1899 году председатель Общества профессор Н.И. Кареев был уволен из университета, он продолжил при этом руководить Обществом²¹¹. В 1912 году в Историческом обществе при Санкт-Петербургском университете была открыта социологическая секция. Виднейший русский социолог П.А. Сорокин охарактеризовал ее как долгожданный «зародыш социологического общества», должного

появиться в ближайшем будущем, параллельно констатируя тот факт, что «в наше время нет ни одной сколько-нибудь научной работы по вопросам общественных наук, которая так или иначе не предпосылала бы в виде фундамента те или иные социологические теоремы»²¹². Осуществление этой идеи произошло весной 1916 года, когда было учреждено Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского, объединившее более шестидесяти выдающихся деятелей отечественной науки, среди которых можно выделить А.С. Лаппо-Данилевского, Л.И. Петражицкого, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, П.Н. Миллюкова, Н.К. Тахтарева и многих других²¹³. Общество ставило своей целью разработку вопросов социологии и ее взаимодействия с другими научными дисциплинами, а также распространение знаний по этим наукам²¹⁴. Примером общества, являвшегося центром духовного развития российской интеллигенции, может служить основанное в 1901 году Религиозно-философское общество (первоначально «религиозно-философские собрания»), которое посещалось как мирянами, так и духовенством. Его председателем являлся епископ Сергей (Страгородский), будущий патриарх²¹⁵. Деятельность «собраний» имела принципиальное значение в становлении нового православного религиозного сознания, хотя предреволюционная атмосфера и не способствовала спокойному «богоискательству» и обсуждению религиозно-философских проблем²¹⁶. В какой-то момент деятельность Общества показалась властям опасной и была прекращена, но возобновилась после революции, в 1907 году, по инициативе Н.А. Бердяева²¹⁷. Активными деятелями Общества были такие известные мыслители и писатели, как Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.М. Минский, С.Н. Булгаков, С.А. Аскольдов, Ф.А. Степун, А. Белый, А.А. Блок и др. Из университетских профессоров в нем заметное участие принимали историк церкви И.Д. Андреев, философ А.И. Введенский, экономист М.И. Туган-Барановский, философ С.Л. Франк, юрист и историк права Б.В. Никольский, начинающие медицины и историки культуры Л.П. Карсавин, Н.П. Ащиферов. Общество играло яркую роль в интеллектуальных дискуссиях конца 1900–1910-х годов. Основными темами, обсуждавшимися на заседаниях, были проблемы «нового религиозного сознания» и роли русской интеллигенции²¹⁸. Именно в среде Общества обсуждались идеи, нашедшие отражение в знаменитом

сборнике «Вехи» (1909), большинство авторов которого были его членами. Впрочем, некоторые из членов Общества, такие как М.И. Туган-Барановский, придерживались противоположных мировоззренческих позиций и вступили в полемику с «веховцами»²¹⁹.

Кроме «взрослых», академических научных организаций в начале XX века происходит настоящий бум студенческих организаций и кружков, деятельность которых далеко выходила за пределы конкретных учебных заведений и имела самостоятельное просветительское значение. Только в столичном университете и только официально в период с 1905 по 1914 год их было зарегистрировано около 80²²⁰. Среди них стоит, например, выделить такие организации, как кружок философии права Л.И. Петражицкого, в котором число слушателей доходило до 600 человек, кружок политэкономии под руководством М.И. Туган-Барановского (около 200 студентов), исторический кружок А.С. Лаппо-Данилевского (62 студента)²²¹. На заседаниях этих кружков происходили обсуждения социологических проблем и теорий, подвергались содержательному анализу отечественные и зарубежные концепции.

Важно, что определенную позитивную роль в деле народного просвещения играли и «общества», носившие названия Императорских и приближенные в политической элите страны. Например, самым престижным гуманитарным научным обществом начала XX века было Русское историческое общество (РИО), ставившее задачу публикации источников по национальной истории. При формальном председательстве императора Общество возглавлял сначала А.А. Половцов, а затем (после смерти последнего в 1909 году) «августейший историк» великий князь Николай Михайлович. Под его руководством Общество отошло от исключительно собирательской и публикаторской работы и существенно расширило круг своей деятельности²²². Так, в 1911 году была образована Особая комиссия РИО по сохранению местных архивов, а в феврале 1912 года было высочайше утверждено положение о ее деятельности. Председателем Комиссии был назначен помощник председателя РИО А.Н. Куломзин, секретарем — приват-доцент университета С.М. Середонин, членом Комиссии был избран и профессор С.Ф. Платонов. Основной задачей Комиссии была

забота о сохранении местных архивов. Она получила право привлечения к своей работе представителей центральных и местных государственных учреждений. В мае 1914 года РИО был организован Съезд представителей «губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений»²²³. По словам академика А.С. Лаппо-Данилевского (сменившего умершего в конце 1914 года С.М. Середонина на посту секретаря Комиссии РИО), целью съезда была выработка мер, «которые дали бы им (архивным комиссиям. — *Е.Р., И.С.*) возможность правильно и систематично работать в области охраны письменных памятников нашей истории». В этом направлении съезд принял ряд важных предложений. В их числе были положения о необходимости охвата сетью архивных комиссий всей территории империи и регулярного финансирования, а также выработки общих правил работы с архивными документами. Реальным результатом съезда стало выделение Министерством финансов единовременной помощи комиссиям и открытие нескольких новых²²⁴. Важным институтом гуманитарной науки Петербурга также являлось Императорское Общество любителей древней письменности (ОЛДП), которое было основано в 1877 году кн. П.П. Вяземским. Основной задачей ОЛДП было собирание и издание древнерусских памятников²²⁵.

Численность естественно-научных обществ была значительно ниже, чем гуманитарных, — к началу XX века в России их насчитывалось около 30. Крупнейшие из них были созданы усилиями профессуры столичных университетов. Так, в 1864 году, вскоре после принятия нового университетского устава, разрешившего создавать общества при университетах, открылось Общество любителей естествознания при Московском университете, преобразованное в 1867 году в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии²²⁶. Его основателями были: профессор геологии Г.Е. Шуровский, математик А.Ю. Давыдов, зоолог Н.К. Зингер и антрополог и зоолог А.П. Богданов. Общество быстро развивалось: при нем создавались различные отделения (в частности, антропологии, зоологии, ботаники, физики и пр.), комиссии. Общество вело активную деятельность по организации музеев, проводило конференции, конгрессы, учреждало научные премии²²⁷.

Широкую известность приобрело также Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, существовавшее при

местном университете с 1868 года²²⁸, а также Русское физико-химическое общество (при университете), которое в этот период состояло из двух отделений — химического и физического — каждое из которых, по существу, было автономно, объединяя соответственно лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке²²⁹. Отметим, что главным инициатором слияния двух обществ являлся Д.И. Менделеев. На заседании Химического общества 8 января 1876 года он внес предложение об объединении, а 13 января предложил то же на заседании Физического общества. Этот союз должен был способствовать более полному охвату изучаемых вопросов и правильному разрешению поставленных перед исследователями задач²³⁰. Общество издавало свой печатный орган ЖРФХО («Журнал Русского физико-химического общества»), который был единственным печатным органом русских физиков и химиков²³¹. Несмотря на то что Общество так и не смогло выполнить всех задач, которые планировали его создатели²³², масштаб его научной и общественной деятельности был очень значителен. Например, благодаря инициативе Общества организовывались масштабные ученые форумы — так, в декабре 1907 года в Петербурге, в стенах университета, состоялся Менделеевский съезд по общей и прикладной химии, который собрал более тысячи участников; на заседаниях съезда было сделано более 150 докладов²³³.

Также очень многочисленным было Русское географическое общество (РГО): к февралю 1917 года оно имело около 1000 членов и 11 местных отделений. РГО организовывало научные экспедиции, в которых исследовались географические и этнографические особенности не только России, но и других стран²³⁴. РГО являлось важнейшим в России обществом из преследовавших географические задачи²³⁵. В нем работали такие выдающиеся ученые, как А.А. Тилло, А.И. Воейков, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.В. Мушкетов, Н.М. Пржевальский, П.А. Кропоткин и многие другие. РГО предприняло целый ряд работ для исследования различных районов Империи: Средней Азии, Сибири, Кавказа, Прибалтики²³⁶. Общество организовывало также заграничные путешествия — в Иран, Новую Гвинею, Индию, Японию и другие страны и территории²³⁷.

Для России конца XIX — начала XX века характерен численный рост инженерно-технической интеллигенции, что было

связано с быстрым развитием промышленности. Отражением этого процесса являлось создание профессиональных технических обществ. Первой организацией такого рода стало Политехническое общество, учрежденное при Московском техническом училище в 1878 году. В центре внимания Общества находился чрезвычайно широкий спектр научно-технических проблем. В частности, оно исследовало различные сорта керосина, участвовало в разработке наиболее рациональных способов использования нефтепродуктов, занималось вопросами введения электрической тяги на железных дорогах²³⁸. Среди технических обществ стоит выделить Русское техническое общество (РТО), основанное в Санкт-Петербурге в 1866 году (с 1874 года – Императорское). Оно ставило своей целью «содействовать развитию техники и технической промышленности в России путем: 1) лекций, 2) изданий, 3) организации образования, 4) проведения конкурсов, 5) выставок, 6) исследования заводских и фабричных материалов»²³⁹. Оно имело свои отделения в различных городах Империи: Киеве, Новороссийске, Одессе, Николаеве, Харькове и многих других (все-го к началу XX века более 40). Члены РТО активно участвовали в обсуждении вопросов образования, в частности, Общество устроило в 1889/90 и 1895/96 годах съезды деятелей по техническому и профессиональному образованию. На них «доказывалась необходимость новых методов преподавания и усиления практической подготовки в технических вузах»²⁴⁰. РТО также активно участвовало в разработке проекта Петербургского политехнического института. Им была сформирована Постоянная комиссия по техническому образованию, впервые в России положившая начало организованному изучению проблемы профессионально-технической подготовки кадров фабрично-заводских рабочих для капиталистической промышленности. В 1869 году РТО приступило к устройству школ и курсов для рабочих. В 1888 году в них обучалось более 2 тыс. взрослых рабочих и их детей²⁴¹. Общество было достаточно многочисленным: в 1915 году насчитывалось 911 действительных членов²⁴². Почетными членами РТО являлись Д.И. Менделеев, Н.Е. Жуковский, Д.К. Чернов, Т.А. Эдисон, А.Г. Эйфель и др.²⁴³

В исследуемую эпоху появлялись такие отраслевые научно-технические общества, как Общество технологов при Петер-

бургском технологическом университете (с 1884 года) и Обществу горных инженеров при Горном институте (с 1887 года). Их деятельность охватывала проблемы, касавшиеся научной, производственно-технической и экономической сторон горнозаводской промышленности России. Среди других НТО можно выделить Общество гражданских инженеров при Институте гражданских инженеров в Петербурге (1894) и Южнорусское общество технологов при Харьковском технологическом институте (с 1895 года). В 1902 году в Москве возникло Лесное общество, занимавшееся научными исследованиями в области изучения лесного хозяйства. Появлялись организации, объединявшие инженеров-электриков и инженеров-электротехников: Русское электрическое общество и Общество инженеров-электриков в Петербурге (оба — с 1900 года), Харьковское общество взаимной помощи работников электротехники (с 1906 года), Общество инженеров-электротехников в Москве (с 1909 года)²⁴⁴. Среди НТО также стоит выделить Русское металлургическое общество, созданное в 1910 году в Петербурге по инициативе А.А. Байкова, В.Е. Грум-Гржимайло, Д.П. Коновалова и других специалистов²⁴⁵. В Обществе работал профессор Д.К. Чернов, основоположник металловедения и теории термической обработки стали, исследования которого имели неопределимую важность для развития металлургической промышленности России.

Среди обществ, возникших благодаря частной инициативе и занимавшихся поддержкой науки, стоит особо выделить Общество содействия успехам опытных наук имени Х.С. Леденцова. Будущий купец, государственный и общественный деятель Х.С. Леденцов (1842–1907) родился в Вологде, много учился, однако, по разным причинам, бросил науку. В 1900 году он передал РТО 50 тыс. руб. на организацию Музея содействия труду. Музей также занимался просветительской деятельностью, что привело к его закрытию полицией как «рассадника смуты» в мае 1907 года. Но еще в 1903 году Леденцов вместе с ректором Московского университета А.А. Тихомировым, ректором Московского технического училища С.А. Федоровым и президентом Московского общества испытателей природы Н.А. Умовым составили проект устава Общества содействия успехам опытных наук²⁴⁶. Его утверждение по политическим причинам

затянулось, Х.С. Леденцов так и не смог дожить до его открытия. Лишь 24 февраля 1909 года Устав Общества был подписан министром народного просвещения А. Шварцем²⁴⁷, а 17 мая состоялось первое общее собрание членов Общества, на котором собравшиеся единогласно постановили присвоить Обществу имя его основателя Х.С. Леденцова. В своем духовном завещании Х.С. Леденцов, жертвуя капитал Обществу, выдвинул несколько обязательных условий. Среди них стоит выделить положение о том, что содействие задачам Общества «распространяется на всех лиц, независимо от их пола, знания, ученой степени и национальности» и выражается преимущественно в выделении пособий на те открытия и изобретения в пособиях тем, которые «при наименьших затратах капитала могли бы принести возможно большую пользу для большинства населения». Отдельно оговаривалось, что пособия должны не следовать за открытиями и изобретениями «в виде премий, субсидий, медалей и тому подобного», а содействовать их «осуществлению и проведению в жизнь». Одним из условий также являлось то, что все расходы должны были производиться из процентов с неприкосновенного капитала²⁴⁸. Председателем Общества стал заслуженный профессор Московского технического училища С.А. Федоров, товарищем председателя — заслуженный профессор Московского университета Н.А. Умов. Членами Общества были многие выдающиеся ученые: В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, И.Х. Озеров, С.А. Чаплыгин и др. Помимо деятелей науки, в состав Общества входили директора и заведующие фабриками, инженеры, владельцы технических контор, бухгалтеры²⁴⁹. Целями Общества было «содействие научным открытиям и исследованиям в области естествознания», «содействие изобретениям и усовершенствованиям в сфере техники», «испытание на практике и проведение в жизнь научных и технических изобретений и усовершенствований»²⁵⁰. За время своего существования Леденцовское общество оказало содействие множеству ученых, среди которых можно выделить И.П. Павлова (в сооружении лаборатории для изучения центральной нервной системы у высших животных), П.Н. Лебедева (в создании физической лаборатории при народном Университете имени А.Л. Шанявского), В.И. Гриневецкого (в проведении экспериментальных исследо-

ваний рабочего процесса двигателей внутреннего сгорания), Н.Е. Жуковского (в проведении испытаний работы воздушно-го и водяных винтов, в строительстве лаборатории аэродинамических испытаний)²⁵¹. Важную роль Общества в развитии отечественной науки и его уникальность подчеркивает пример его помощи К.Э. Циолковскому, которому, в силу болезни и жизни вдалеке от столиц, было бы чрезвычайно сложно рассчитывать на материальную поддержку своей изобретательской деятельности из других источников²⁵². После Октября 1917 года ресурсами Общества пользовался Народный комиссариат военных дел, а на основе патентного отдела Общества в 1918 году было создано патентное бюро, положившее начало патентоведению в советские времена. 8 сентября 1918 года Общество было закрыто, а его имущество и капиталы национализированы²⁵³.

Исходя из материалов настоящего обзора, в заключение позволим себе высказать некоторые предварительные наблюдения, связанные с негосударственными образовательными институтами пореформенной России. Следует отметить, что на разных уровнях образования частная школа играла различную роль. Так, в сфере начального образования частная инициатива наибольшее применение находила в организации воскресных школ (ориентированных в значительной степени на взрослую аудиторию). В сфере среднего и высшего образования наиболее востребованными были частные женские учебные заведения, что отражало нехватку этих школ в системе государственного образования. Негосударственная средняя и высшая школа также активно готовила кадры в области коммерции и технических специальностей, которые были востребованы в условиях растущей экономики, за потребностями которой не поспевала государственная образовательная система. Здесь надо отметить, что, хотя негосударственное образование присутствовало на всех образовательных уровнях русской школы (от начального до высшего), его наибольшее проникновение проходит в сегмент среднего, в особенности среднего коммерческого образования по причине наибольшего недостатка в таких учебных заведениях в системе государственного образования. Частные высшие учебные заведения восполняли и другой ее пробел, осуществляя подготовку специалистов по дис-

циплинам, не успевшим войти в официально признанный академический канон (таких, как социология или психология). Частная школа всех уровней также являлась полем педагогических новаций и экспериментов, невозможных в государственных учреждениях. Сложность положения частных учебных заведений в России заключалась прежде всего в том, что государство стремилось к максимальной опеке и мелочному контролю за их деятельностью. Именно поэтому, несмотря на растущее значение частных образовательных инициатив, роль негосударственных институтов в народном образовании не могла стать доминирующей, а негосударственные учебные заведения все же и по общему числу, и по количеству учащихся уступали государственным. В то же время процессы общественной трансформации постоянно усиливали позиции частной инициативы в образовании. Так, революционные события 1905—1907 годов заставили режим пойти на либерализацию законодательства и привели к резкому росту доли частных учебных заведений в сегментах среднего и высшего образования. При этом очевидно и явное противоречие в интересах государства, которое, с одной стороны, ощущало потребность в развитии частной школы (бравшей на себя решение части задач образовательной системы), с другой стороны, видело в частных учебных заведениях политическую и идеологическую угрозу. В результате единая системная и последовательная правительственная политика в этой области отсутствовала, примером чему служат противоречивые действия власти в отношении одних и тех же учебных заведений (Бестужевские курсы, Психоневрологический институт, Университет имени А.Л. Шанявского и др.). Не укрепляла позиций режима и его политика в отношении других институтов гражданского общества, вовлеченных в процесс народного просвещения. С одной стороны, «народные университеты», библиотеки, учительские организации, краеведческие музеи, научные, технические и благотворительные общества выполняли просветительские и организационные функции, которые государство было не в состоянии выполнять в полной мере, — удовлетворение потребностей в образовании, чтении, разработке учебных пособий, оплате обучения, организация масштабных научных и культурных проектов, с другой стороны, их независимое от власти

положение и доминирование в составе этих институтов оппозиционной интеллигенции заставляли правительство относиться к их деятельности с подозрением и рассматривать их скорее как оппонентов, чем союзников в деле народного просвещения.

Очевидно, что ситуация в сфере народного просвещения отражала столкновение консервативного и радикально-либерального дискурсов в общественном сознании рубежа XIX—XX веков. Согласно консервативной позиции любые социальные институты (в том числе образовательные и научные) должны выступать как проводники государственной политики, согласно радикально-либеральной точке зрения любые общественные институты, связанные с народным просвещением, были обязаны способствовать целям «освободительного движения». Третья позиция «консервативного либерализма», отстаивающая принципы «академической свободы» и увязывавшая государственный контроль над учебными заведениями с государственным финансированием, необходимой поддержки в правительственных кругах так и не получила. Можно предположить, что это обстоятельство в сочетании с непоследовательностью политики власти в отношении негосударственных образовательных институтов объективно способствовало укреплению влияния политического радикализма в образовательной сфере и, в конечном счете, расшатыванию существующего политического режима.

¹ Очерк подготовлен при поддержке финансирования в рамках тематического плана НИР СПбГУ (проект 5.38.98.2012 «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX—XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть»).

² См., например: *McClelland J.C.* Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago; L., 1979; *Kassow S.D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989. *Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West Princeton, 1991; *Воробьева Ю.С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994; *Wartenweiler D.* Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905—1914. Oxford, 1999; *Ляфский А.Б.* Частная и общественная жизнь петербургской интеллигенции 1907—1914 гг.: Проблема самоидентификации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 12—15; *Хильдермайер М.* Общество и

общественность на закате Царской Империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 216–223; *Герасимов И.В.* Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов: Материалы междунар. науч. коллоквиума, [Санкт-Петербург, 6–9 июня 2001 года] / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 2003. С. 278–297 и др.

³ В Своде Законов Российской империи 1912 года частным учебным заведениям посвящены статьи 3712–3775: О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения // Свод Законов Российской Империи: В 5 кн. Неофициальное издание. СПб., 1912. Кн. 4. Т. XI. Ч. 1. Свод Уставов Ученых Учреждений и Учебных Заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. С. 325–332.

⁴ Цит. по: *Егорова М.В.* Развитие системы частного образования на Урале (1861 – февраль 1917). Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003. С. 56.

⁵ О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения. С. 330.

⁶ Там же. С. 325.

⁷ Там же. С. 326.

⁸ Там же. С. 328.

⁹ Там же. С. 332.

¹⁰ Там же. С. 326.

¹¹ *Флит Н.В.* Школа в России в конце XIX – начале XX в.: Государственные и частные гимназии, прогимназии, дополняющие обучение, экстернат: Метод. пособие. Л., 1991. С. 32.

¹² О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения... С. 326–327.

¹³ Там же. С. 332.

¹⁴ Там же. С. 326–327.

¹⁵ Там же. С. 327–328.

¹⁶ Там же. С. 326.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 325.

²⁰ Там же.

²¹ *Алексеев П.* Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий (ведомства МНП). Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним. Одесса, 1917. С. 20.

²² *Флит Н.В.* Школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 34.

²³ О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения... С. 327.

²⁴ Там же. С. 327–328; *Флит Н.В.* Школа в России в конце XIX – начале XX в. С. 32–33.

²⁵ Закон «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства Народного Просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений» // Собрание узаконений и распоряжений правитель-

ства, издаваемое при правительственном Сенате. СПб., 1914. № 177. 16.07.1914. Отдел I. Ст. 2006. С. 2891.

²⁶ Там же. С. 2893.

²⁷ Там же. С. 2892.

²⁸ Там же. С. 2897.

²⁹ Там же. С. 2894.

³⁰ Там же.

³¹ О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения. С. 326.

³² Закон «О частных учебных заведениях...». С. 2896–2897.

³³ Там же. С. 2892.

³⁴ О частных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения... С. 328.

³⁵ Закон «О частных учебных заведениях...». С. 2894.

³⁶ Там же. С. 2893.

³⁷ Там же. С. 2897.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ *Егорова М.В.* Развитие системы частного образования на Урале (1861 – февраль 1917). Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003. С. 63.

⁴¹ *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. 2-е изд. М., 1953. С. 189.

⁴² *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. С. 100. Ср.: *Золотарев С.* Очерк по истории учительского объединения в России // Профессиональная учительская организация на Западе и в России: Сб. статей. Пг., 1915. С. 233–293.

⁴³ *Чехов Н.В.* Народное образование в России... С. 105–106.

⁴⁴ Там же. С. 145.

⁴⁵ Источники доходов начальных школ Империи в 1910 году // Однодневная перепись начальных школ Российской Империи, произведенная 18 января 1911 года. Диаграммы и картограммы к итогам по Империи. Пг., 1916. С. XVI.

⁴⁶ Сведения об училищах // Однодневная перепись начальных школ Российской Империи, произведенная 18 января 1911 года. Пг., 1915. Вып. XVI. Итоги по Империи. С. 2–3.

⁴⁷ Общее число начальных и низших училищ всех ведомств, а равно число учащихся и учащихся в них // Статистические сведения по начальному образованию в Российской Империи за 1896 год. СПб., 1898. С. 276–277.

⁴⁸ Общие результаты отчетного года по отношению к развитию дела народного образования // Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи / Ред. В.И. Фармаковский и А.А. Шапеллон. Одесса, 1907. Вып. 6 (данные 1904 года). С. XII. Отметим, что составители другого статистического сборника по начальному образованию за этот год отмечают, что «за отсутствием пока в Министерстве Народного просвещения полных, точных и систематически собранных сведений о всех учебных заведениях, представляется довольно затруднительным дать действительно точную цифру, хотя бы числа школ. <...> Поэтому пред-

ставляемые цифровые данные можно рассматривать лишь как общую картину настоящего положения школьного обучения в Империи, но отнюдь не как абсолютно верные цифры» (Статистические сведения по начальному образованию за 1904 год. СПб., 1906. С. III).

⁴⁹ Сведения об училищах // Однодневная перепись начальных школ... С. 2–3.

⁵⁰ См.: *Осоков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России. М., 1982. С. 134–139.

⁵¹ *Ушинский К.Д.* Воскресные школы // Собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 489–512.

⁵² *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 73–74.

⁵³ *Горюстаев И.В.* Народные университеты России до Великого Октября: (Исторический очерк и аннотированный указатель). М., 1987. С. 5; *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы... С. 78–85.

⁵⁴ *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы... С. 85–100.

⁵⁵ *Абрамов Я.* Введение // Общее дело: Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения / Под ред. В.С. Костроминой. М., 1900. Вып. I. С. VII.

⁵⁶ *Вахтерова Э.* Частные городские воскресные школы // Общее дело: Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения / Под ред. В.С. Костроминой. М., 1900. Вып. I. С. 2–3.

⁵⁷ *Кайданова О.* Современное значение воскресной школы // Общее дело: Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения / Под ред. В.С. Костроминой. М., 1912. Вып. III. С. 61–62.

⁵⁸ *Константинов Н.А., Струмминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России... С. 265.

⁵⁹ *Михайлова М.В.* Дом свободного ребенка (к 125-летию со дня рождения К.Н. Вентцеля) // Советская педагогика. 1983. № 4. С. 104–106.

⁶⁰ *Константинов Н.А., Струмминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России... С. 266.

⁶¹ Там же.

⁶² *Бессолицын А. С.Ю.* Витте и становление коммерческого образования в России // Платное образование. 2006. № 6. С. 54–57; То же. URL: http://www.rea.ru/Main.aspx?page=S.JU._Vitte_i_stanovlenie_kommercheskogo_obrazovaniya_v_Rossii (дата обращения 28.05.2012). Официальный сайт Российской Экономической академии им. Г.В. Плеханова. Доступно по адресу: <http://www.rea.ru/portal/main.nsf/0/A1917621120A9D31C32571E800265929.Sr.:КонстантиновН.А.Очеркипоисториисреднейшколы.ГимназиииреальныеучилищасконцаXIXв.доФевральскойреволюции1917года.2-еизд.М.,1956.С.37>.

⁶³ *Разманова Н.А.* Учреждение в Российской Империи Министерства финансов и создание системы коммерческих училищ // Вестник Финансовой академии. 2002. Вып. 3–4. С. 75–86; То же. URL: <http://www.vestnik.fa.ru/archive.html>.

⁶⁴ Там же

⁶⁵ Бессолицын А. С. Ю. Витте и становление коммерческого образования в России.

⁶⁶ Журавлева Л. С. Тенишевы и русская школа // Советская педагогика. 1991. № 12. С. 106.

⁶⁷ Цит. по: Мец А. Г. Осип Манделъштам и его время. Анализ текстов. СПб., 2005. С. 12–13.

⁶⁸ Там же. С. 12.

⁶⁹ Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 145.

⁷⁰ Устав Тенишевского училища в Петрограде. Пг., 1915. С. 3.

⁷¹ Цит. по: Журавлева Л. С. Тенишевское училище // Среднее специальное образование. 1991. № 10. С. 34–35.

⁷² Цит. по: Там же. С. 35.

⁷³ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (конец XIX — начало XX века.) / Отв. ред. Э. Д. Днепров. М., 1991. С. 117.

⁷⁴ Янковская Н. А. Гимназическое образование в России: прошлое и современность: Монография. М., 2006. С. 105.

⁷⁵ Сводная таблица распределения учебных заведений по учебным округам, губерниям и областям // Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1909 года. СПб., 1909. С. 121–122.

⁷⁶ Сводная таблица распределения учебных заведений по учебным округам, губерниям и областям // Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1915 года. Пг., 1915. С. 186–187.

⁷⁷ Сводная таблица распределения учебных заведений... к 1 января 1909 года. С. 121–122; Сводная таблица распределения учебных заведений... к 1 января 1915 года. С. 186–187.

⁷⁸ Янковская Н. А. Гимназическое образование в России. С. 101.

⁷⁹ Ведомость о числе мужских гимназий и прогимназий, пригготовительных и параллельных классов в них и о числе учащихся в сих заведениях в 1900 году // Статистические сведения по гимназиям, прогимназиям и реальным училищам за 1900 год. СПб., [1901].

⁸⁰ Из «Объяснительной записки к смете Министерства народного просвещения на 1916 год» // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 7. С. 82–84.

⁸¹ Ведомость о числе реальных училищ и учащихся в них в 1900 году // Статистические сведения... за 1900 год. СПб., [1901].

⁸² Из «Объяснительной записки...». С. 82–84.

⁸³ Очерки истории школы и педагогической мысли... С. 117.

⁸⁴ Волк С. С. Просвещение и школа в Санкт-Петербурге // Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3. Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895–1917 гг. С. 537.

⁸⁵ Табиев Б. К. Правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX — нач. XX в. Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. С. 8.

⁸⁶ Очерки истории школы и педагогической мысли... С. 117.

⁸⁷ *Табиев Б.К.* Правительственная политика в области образования... С. 8.

⁸⁸ *Стратонов Е.* Настоящее состояние средней школы и средства ее возрождения. Изд. 2-е. М., 1910. С. 39–40.

⁸⁹ *Вилер Д.Р.* Ранний конец экспериментаторства: судьба Путиловского училища // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов.* С. 463.

⁹⁰ Там же. С. 464–465.

⁹¹ *Стратонов Е.* Настоящее состояние средней школы и средства ее возрождения. С. 40.

⁹² *Очерки истории школы и педагогической мысли...* С. 120–121.

⁹³ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — начале XX в. М., 1991. С. 99–100.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 105, 117.

⁹⁶ См.: *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900–1917) // *Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия: Сб. статей.* Отв. ред. М.И. Матвеев. 1981.

⁹⁷ *Лейкина-Сви́рская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981. С. 11; *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов (1900–1917). С. 33.

⁹⁸ *Тиме Е.И.* *Alma Mater* // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.): Сб. статей / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1965. С. 219.

⁹⁹ *Сорокин П.А.* Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 54.

¹⁰⁰ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — нач. XX в. ... С. 110.

¹⁰¹ *Вахромеева О.Б.* 175 лет основателю Бестужевских курсов Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину: (публикация источников по истории первого женского университета в России). СПб., 2005. С. 9.

¹⁰² *Румянцев А.Г.* Справка // Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918) / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2008. С. 2.

¹⁰³ См.: Сводные данные по числу окончивших Высшие женские (Бестужевские) курсы в 1882–1916 годах // Высшие женские (Бестужевские) курсы: Библиографический указатель. М., 1966. С. 170; Сводная таблица списков выпускниц Бестужевских курсов 1882–1918 гг. // Бестужевка в цифрах. С. 401.

¹⁰⁴ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — нач. XX в. ... С. 135.

¹⁰⁵ *Очерки истории школы и педагогической мысли...* С. 136.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX — нач. XX в. ... С. 139.

¹⁰⁸ *Бехтерев В.М.* Об устройстве Психо-неврологического Института в С.-Петербурге // *Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма.* 1904. Вып. 5. С. 273. Общество нормальной и патологической психологии (Русское общество нормальной и патологической физиологии) В.М. Бехтерев организовал совместно с И.П. Павловым в 1901 году на базе переведенного на научный характер работы общества «любителей психизма» при Военно-медицинской академии, занимавшегося спиритизмом и телепатией. В.М. Бехтерев стал его председателем. «Он согласился

войти в него при условии разработки нового устава, определяющего научный характер работы общества» (см.: *Никифоров А.С. Бехтерев /* Послед. Н.Т. Трубилина. М., 1986. С. 151).

¹⁰⁹ Там же. С. 274–275.

¹¹⁰ Там же. С. 276.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Устав Психоневрологического Института // Свод Законов Российской Империи... СПб., 1912. Кн. 4. Т. XI. Ч. 1. Свод Уставов Учебных Учреждений и Учебных Заведений Ведомства Министерства Народного Просвещения. Приложение к ст. 93, п. 16. СЗ, по прод. 1908 года. С. 352.

¹¹³ *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005. С. 59.

¹¹⁴ Устав Психоневрологического Института... С. 352.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 353.

¹¹⁷ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – нач. XX в. ... С. 114.

¹¹⁸ Цит. по: *Никифоров А.С. Бехтерев...* С. 210.

¹¹⁹ *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах... С. 115.

¹²⁰ Цит. по: *Никифоров А.С. Бехтерев...* С. 212–213.

¹²¹ Цит. по: Там же. С. 218.

¹²² *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – нач. XX в. ... С. 114–115.

¹²³ Цит. по: Там же. С. 115.

¹²⁴ *Степанский А.Д.* История научных учреждений дореволюционной России. М., 1987. С. 34–35.

¹²⁵ *Очерки истории школы и педагогической мысли...* С. 136.

¹²⁶ *Горюстаев П.В.* Народные университеты России... С. 17–18.

¹²⁷ Там же. С. 18.

¹²⁸ Там же. С. 18–19.

¹²⁹ Там же. С. 11–13; *Генкель Г.* Что такое народный университет? СПб., 1908. С. 13–14.

¹³⁰ *Генкель Г.* Что такое народный университет? С. 14.

¹³¹ *Горюстаев П.В.* Народные университеты России... С. 14–15.

¹³² *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – нач. XX в. ... С. 123.

¹³³ *Сыромятников Б.* Что дает своим слушателям народный университет? // Общее дело: Сборник статей по вопросам распространения образования среди взрослого населения / Под ред. В.С. Костроминой. М., 1912. Вып. III. С. 231–270.

¹³⁴ *Иванов А.Е.* Высшая школа в России в конце XIX – нач. XX в. ... С. 120.

¹³⁵ *Сыромятников Б.* Что дает своим слушателям народный университет? С. 238.

¹³⁶ *Астапова М.* Секция «народной средней школы» Московского Общества народных университетов // Общее дело: Сборник статей... С. 222–230.

¹³⁷ Исторический очерк возникновения и развития Московского Городского Народного Университета // Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. М., 1914. С. 1.

¹³⁸ Там же. С. 4.

¹³⁹ Положение о Московском Городском Народном Университете имени Альфонса Леоновича Шанявского // Свод Законов Российской Империи... СПб., 1912. Кн. 4. Т. XI. Ч. 1. Свод Уставов Учебных Учреждений и Учебных Заведений Ведомства Министерства Народного Просвещения. Приложение к ст. 397, прим. СЗ, по прод. 1908 года. С. 364.

¹⁴⁰ Там же. С. 364.

¹⁴¹ Письмо Московского городского головы кн. В.М. Голицына А.Л. Шанявскому с благодарностью за предложенное пожертвование и сообщением об избрании Городской думой комиссии для рассмотрения условий создания в Москве Народного университета // «...Начинание на благо и возрождение России» (создание Университета имени А.Л. Шанявского): Сб. документов / Под ред. Н.И. Басовской и А.Д. Степанского. М., 2004. С. 42.

¹⁴² Из духовного завещания А.Л. Шанявского // Там же. С. 48–49.

¹⁴³ *Сабашников М.В.* Записки. М., 1995. С. 331–332.

¹⁴⁴ Заседание Московской городской думы 13 июня, № 14, 1906 год // Журналы Московской городской думы за 1906 год. М., 1907. С. 101.

¹⁴⁵ Исторический очерк возникновения и развития Московского Городского Народного Университета... С. 8.

¹⁴⁶ № 89. Доклад комиссии по народному образованию по внесенному Министерством Народного Просвещения законопроекту об утверждении положения о Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия I. 1907–1908. СПб., 1908. Т. I (№ 1–350). С. 363–364.

¹⁴⁷ Заседание 23. 25 января 1908 года // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 1. С. 1026–1027.

¹⁴⁸ Заседание 70. 20 мая 1908 года // Там же. СПб., 1908. Ч. 3. С. 1025.

¹⁴⁹ № 408. Доклад комиссии по народному образованию по внесенному Министерством Народного Просвещения законопроекту об утверждении положения о Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия I. 1907–1908. СПб., 1908. Т. II (№ 351–638). С. 466–467; Положение о Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского [Проект, внесенный Комиссией по народному образованию в Государственную думу 30 мая 1908 года] // Там же. С. 468–476; Заседание 76. 30 мая 1908 года // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. С. 1940.

¹⁵⁰ *Шварц А.Н.* [Выступление в прениях. Заседание 77. 3 июня 1908 года] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. С. 1961–1965.

¹⁵¹ *Белоусов Т.О.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1967–1970; *Булат А.А.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1970–1975.

¹⁵² *Капустин Н.Е.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2024–2028.

¹⁵³ *фон-Анфен В.К.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1998–2003.

¹⁵⁴ *Каменский П.В.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1975–1977.

¹⁵⁵ *Маклаков В.А.* [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1985–1989.

- ¹⁵⁶ Соколов В.С. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1977–1985.
- ¹⁵⁷ Миллюков П.Н. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2004–2010.
- ¹⁵⁸ Пуршищев В.М. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 1989–1997.
- ¹⁵⁹ Тимошкин К.Ф. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2010–2013;
- Марков Н.Е. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2013–2017, 2032.
- ¹⁶⁰ Ткачев А.Н. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2018–2024; Бобринский В.А. [Выступление в прениях...] // Там же. С. 2030–2031.
- ¹⁶¹ [Принятие внесенного Министерством Народного Просвещения законопроекта «об утверждении положения о Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского» (передача в редакционную комиссию). Заседание 77. 3 июня 1908 года] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. С. 1949–2057; [«об утверждении положения о Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского». Заседание 81. 9 июня 1908 года] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. С. 2426–2434.
- ¹⁶² Исторический очерк возникновения и развития Московского Городского Народного Университета... С. 22–24.
- ¹⁶³ Положение о Московском Городском Народном Университете... С. 365.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 367.
- ¹⁶⁵ См., например: *Rostovcev E.A. The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914–1917* // *Kollegen—Kommilitonen—Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg* / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. S. 177–188.
- ¹⁶⁶ Положение о Московском Городском Народном Университете... С. 367.
- ¹⁶⁷ Там же.
- ¹⁶⁸ Полный сборник правил и программ всех высших, средних и низших, общеобразовательных, специальных и профессиональных учебных заведений России. [На 1911–1912 уч. год.] Изд. 3-е. СПб., [1911]. С. 399.
- ¹⁶⁹ *Анреп В.К., фот.* [Выступление в прениях. Заседание 77. 3 июня 1908 года] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. С. 2002.
- ¹⁷⁰ *Анреп В.К., фот.* [Выступление в прениях. Заседание 61. 3 марта 1910 года] // Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1910. Ч. II. С. 2908.
- ¹⁷¹ См., например: *Бурлякина М.И. Историческое краеведение. Сыктывкар, 1999. Ч. 1. История краеведческого движения в России: Учебное пособие. С. 29. Филошкин А.И. Историческое краеведение: Учебно-методическое пособие. СПб., 2005. С. 12.*
- ¹⁷² См.: *Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб., 2002. С. 229–234.*
- ¹⁷³ *Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х гг.). М., 1970. С. 305.*
- ¹⁷⁴ Там же. С. 303–304.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 306.

¹⁷⁶ *Степанский А.Д.* История общественных организаций дореволюционной России: Учебное пособие. М., 1979. С. 42–43.

¹⁷⁷ *Дегальцева Е.А.* Неполитические общественные формирования в государственной структуре дореволюционной России // Сибирская заимка: электронный журнал. 2002. № 4. URL: http://zaimka.ru/04_2002/degalteva_voluntary/ (дата обращения: 28.05.2012).

¹⁷⁸ *Степанский А.Д.* Документы по истории легальных общественных организаций в фондах дореволюционных государственных учреждений России // Советские архивы. 1981. № 2. С. 25.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (сер. XIX – нач. XX века). М., 1993. С. 5.

¹⁸¹ Временные правила об обществах и союзах // Свод Законов Российской Империи... СПб., 1912. Кн. 5. Т. XIV. Устав о Предупреждении и Пресечении преступлений. Приложение к ст. 118-1. С. 133–136.

¹⁸² *Туманова А.С.* Гражданские свободы во взглядах представителей губернаторского корпуса дореволюционной России: к осмыслению феномена консервативного реформаторства // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: [сайт] / Воронежский гос. ун-т, исторический факт, Центр изучения консерватизма. Воронеж, 2005–2012. URL: <http://www.conservatism.narod.ru/oktober/tumanova.doc>.

¹⁸³ Временные правила об обществах и союзах... С. 133.

¹⁸⁴ *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации... С. 35.

¹⁸⁵ Там же. С. 18.

¹⁸⁶ *Степанский А.Д.* История общественных организаций... С. 43.

¹⁸⁷ Там же. С. 44.

¹⁸⁸ *Дегальцева Е.А.* Неполитические общественные формирования...

¹⁸⁹ *Чехов Н.В.* Народное образование в России... С. 116.

¹⁹⁰ Там же. С. 116–117; *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации... С. 95.

¹⁹¹ *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации... С. 98; *Золотарев С.* Очерк по истории учительского объединения в России... С. 245–246.

¹⁹² *Михайлова М.В.* Общественные педагогические и просветительные организации... С. 117.

¹⁹³ Там же. С. 99.

¹⁹⁴ Резолюции первого всероссийского съезда по вопросам народного образования (по секциям и комиссиям). С.-Петербург. 22 дек. 1913 года // *Чарнолуский В.И.* Съезды по народному образованию: Сборник постановлений. Пг., 1915., С. 1.

¹⁹⁵ Там же. С. 2.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ *Золотарев С.* Очерк по истории учительского объединения в России... С. 258–266.

¹⁹⁸ Михайлова М.В. Общественные педагогические и просветительные организации... С. 113.

¹⁹⁹ Там же. С. 113.

²⁰⁰ Золотарев С. Очерк по истории учительского объединения в России... С. 288.

²⁰¹ Там же. С. 37.

²⁰² В качестве примера укажем на несколько обществ вспомоществования при учебных заведениях разного типа: Общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском историко-филологическом институте, Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета, Общество вспомоществования учащимся Императорского женского педагогического института и Константиновской женской гимназии, Общество вспомоществования слушательницам и окончившим Петербургские высшие женские историко-литературные курсы Н.П. Раева, Общество взаимопомощи слушателей университета имени А.Л. Шанявского и др. (см.: Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии С.-Петербургского Историко-филологического института. [Утв. 28 марта 1901 года]. СПб., 1901; Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета. Отчеты за 1875–1916 гг. СПб. [Пг.], 1876–1917; Общество вспомоществования учащимся Императорского женского педагогического института и Константиновской женской гимназии. Отчеты за 1908/09–1915/16 уч. гг. СПб. [Пг.], 1909–1917; Устав Общества вспомоществования слушательницам, а также окончившим курс наук на С.-Петербургских высших женских историко-литературных и юридических курсах, основанных Н.П. Раевым. [СПб., 1909]; Общество взаимопомощи слушателей университета им. А.Л. Шанявского // Московский городской народный университет... С. 90–114).

²⁰³ По данным А.Д. Степанского, их было более 180. См.: Степанский А.Д. История общественных организаций... С. 45.

²⁰⁴ Степанский А.Д. История научных учреждений... С. 41.

²⁰⁵ Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 233–242.

²⁰⁶ Степанский А.Д. История общественных организаций... С. 46.

²⁰⁷ Из писем к Веселовскому: Д.С. Мережковский / Публ. М.Ю. Корневой // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 341.

²⁰⁸ См.: Манфред Ш. Неофилологическое общество // Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 гг.: Словарь. М., 2004. С. 136.

²⁰⁹ Белкин А.С. Обзор деятельности Московского Психологического Общества за первое десятилетие (1885–1895) // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 27. С. 251–258.

²¹⁰ Ждан А.Н. Московское Психологическое общество // Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов психологических факультетов университетов. Изд. 3-е, исправл.

М., 2002. С. 476–490. См. также: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 16.

²¹¹ См.: *Копонова Н.Н.* Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. С. 138–151; *Слонимский А.Г.* Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Ученые записки истор. ф-та Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып. 1; *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археологический ежегодник за 1974 год. М., 1975. С. 43–44; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 180–182; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 132–136.

²¹² *Сорокин П.А.* К основанию социологической секции Исторического общества при СПб. университете // Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000. С. 22.

²¹³ Список первых членов Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. СПб., 2001. С. 26–27.

²¹⁴ Устав Русского Социологического Общества им. М.М. Ковалевского // Социологическое общество... С. 20. См. также: Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // Ковалевский М.М. – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. статей. Пг., 1917. С. 262–263.

²¹⁵ См.: *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 197.

²¹⁶ *Флоровский Г.П.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 470–471.

²¹⁷ *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 148.

²¹⁸ См.: *Мейер А.А.* Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 107–115.

²¹⁹ См., например, сборник «Интеллигенция в России» (СПб., 1910).

²²⁰ См.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб. [Пг.], 1906–1915; Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб. [Пг.], 1906–1916; Студенческие научные кружки // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819.

²²¹ *Ермакович Ю.М.* Социология в Санкт-Петербургском университете в конце XIX – начале XX века // Санкт-Петербургский государственный университет. Факультет социологии: [архивная версия официального сайта]. СПб., 2011. URL: <http://hq.soc.pu.ru/news/artermak.shtml> (дата обращения: 28.05.2012).

²²² См.: Императорское Русское историческое общество. 1866–1916. Пг., 1916. О деятельности РИО см. также: *Камардина О.В.* Императорское русское историческое общество: Очерк истории и научной деятельности (1866–1916 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

²²³ См.: *Назин С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 26–37.

²²⁴ См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958. С. 300–301.

²²⁵ См.: Памятники древней письменности. СПб., 1878–1925. Вып. 1–190.

²²⁶ *Степанский А.Д.* История общественных организаций... С. 49.

²²⁷ Речь Д.Н. Аншушкина // Богданов В.В. Пятидесятилетие императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863–1913. М., 1915. С. 6, 10, 17.

²²⁸ См.: Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868–1893). СПб., 1893.

²²⁹ См. материалы отчетов университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год, составленный и.д. экстраординарного проф. Б.М. Мелиоранским. СПб., 1906. С. 86–100; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 год, составленный И.И. Кауфманом. СПб., 1907. С. 137–153; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 год / Под ред. В.А. Стеклова. СПб., 1908. С. 197–200; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 год / Под ред. ординарного проф. Н.А. Медникова. СПб., 1909. С. 190–206; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1909 год / Под ред. и.д. ординарного проф. А.И. Введенского. СПб., 1910. С. 194–207; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год / Под ред. заслуженного проф. И.А. Ивановского. СПб., 1911. С. 222–231 и др.

²³⁰ *Козлов В.В.* Очерки истории химических обществ СССР. М., 1958. С. 35.

²³¹ История Ленинградского университета: Очерки. 1819–1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969. С. 122.

²³² *Корзухина А.М.* Русское физико-химическое общество (РФХО) и его роль в русской физике (1870–1917) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова [Текст]: годичная научная конференция, 2003. М.: Диполь-Т, 2003. С. 172–173; То же. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ihst/2003/korzukhina.htm> (дата обращения: 28.05.2012).

²³³ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 год. СПб., 1908. С. 199.

²³⁴ *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах... С. 92.

²³⁵ *Берг Л.С.* Очерки истории русской географической науки (вплоть до 1923 года). Л., 1929. С. 12.

²³⁶ *Берг Л.С.* Всесоюзное Географическое общество за 100 лет. 1845–1945. М.; Л., 1946. С. 71–89.

²³⁷ Там же. С. 121–132.

²³⁸ *Стрекопытнов С.П.* История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.): [Учеб. пособие.] М., 2002. С. 115–116.

²³⁹ *Комарова И.И.* Русское техническое общество // Справочник научных обществ России. Справочник научных обществ России: [сайт] / Сост. И.И. Комарова. М., 2005–2007. URL: http://www.snot.ru/?an=sc_418.

²⁴⁰ *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах... С. 42.

²⁴¹ *Карелин В.А.* Русское техническое общество и проблема подготовки квалифицированных фабрично-заводских рабочих в России (1866–1890). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 10, 13.

²⁴² *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах... С. 42.

²⁴³ *Стрекопытов С.П.* История научно-технических учреждений в России... С. 94.

²⁴⁴ Там же. С. 117–119.

²⁴⁵ Там же. С. 120.

²⁴⁶ *Орлов В.В.* Леденцовское общество и изобретательство в России (1909–1918 гг.) // *Изобретательство*. 2005. Т. 5. № 8. С. 21–22.

²⁴⁷ Устав общества содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова // *Временник Общества содействия успехам опытных наук и их применений имени Х.С. Леденцова*. М., 1910. Вып. 1. С. 3.

²⁴⁸ Выписка из духовного завещания Христофора Семеновича Леденцова // Там же. С. 10.

²⁴⁹ Состав Общества // Там же. С. 9–27.

²⁵⁰ Устав общества содействия успехам опытных наук... С. 3.

²⁵¹ *Рыбников В.* Инкогнито из Вологды // *Изобретатель и рационализатор*. 1987. № 9. С. 40–41.

²⁵² Об этом см.: «Мы исчезнем, но истина исчезнуть не может...»: Документы Центрального исторического архива Москвы о Циолковском – конструкторе металлического дирижабля. 1910–1914 гг. / Публ. подгот. Ю.Б. Борисова // *Отечественные архивы*. 2004. № 2. С. 98–114.

²⁵³ *Второв О.А.* Х.С. Леденцов: люди иного порядка // *Материалы научно-практической конференции, посвященной 200-летию Прохоровской мануфактуры*. Москва, 9–10 декабря 1999 г. М.: Экон, 1999; То же. URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/25619>.